

P1(c132)

K53

М. Т. ЯВЛОЧКОВЪ

—

КНИГА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВЪ СТУХАХЪ

р1 (с132)
12150
К53

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВЪ СТИХАХЪ.

Съйте разумное, доброе, вѣчное,
Съйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ. . . .

Н. Некрасовъ.

СОСТАВИЛЪ

Директоръ народныхъ училищъ Тульской губернии

М. Т. Яблочковъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

Handwritten notes and stamps on the left margin:
- A red scribble at the top.
- A blue stamp with '13556' and '5/12' written on it.
- A red scribble below the stamp.
- A red vertical line.
- A blue stamp with '30 г. 1/12' written on it.
- A blue scribble below the stamp.

Многу уважливий, Дорогий
другу Николаю Ивановичу Мроузкому

Въ знакъ сердечной дружбы,
и глубокаго уваженія 1890. 28 февраля
Смх. Свєтловъ.

Дозволено цензурою. Москва. Января 17 дня 1889 года.

Т У Л А.

Типографія Н. И. Соколова, Кіевская ул., домъ Козловыхъ.

1889.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднее время дѣтская школьная литература принимаетъ новое, болѣе благотворное направленіе: педагоги пришли къ убѣжденію, что съ одной стороны дѣтскія школьныя книги для чтенія не должны содержать въ себѣ ничего сказочнаго, вымышленнаго (миѳическаго), съ другой же стороны статьи съ содержаніемъ научнымъ, вещественнымъ (реальнымъ) не могутъ удовлетворять нравственно-воспитательнымъ цѣлямъ школы и представляются для дѣтей при чтеніи сухими, незанимательными и трудно усвоиваемыми. Посему статьи съ научнымъ содержаніемъ должны входить въ особыя учебники, составленные для начальныхъ училищъ кратко и понятно для дѣтскаго возраста. Книги же для дѣтскаго чтенія должны состоять исключительно изъ статей, имѣющихъ религіозно-нравственное, или воспитательное значеніе. Такіе рассказы, повѣсти, басни и описанія занимаютъ и увлекаютъ дѣтей, производятъ на нихъ глубокое впечатлѣніе и тѣмъ содѣйствуютъ ихъ религіозно-нравственному воспитанію.

Слѣдующія соображенія руководили мною при составленіи этой „Книги для чтенія въ стихахъ.“

1) Матеріалъ для чтенія въ училищахъ не долженъ имѣть характера случайнаго, безцѣльнаго. Необходимо, чтобы каждая прочитанная дѣтьми въ классѣ статья или могла дать поводъ сдѣлать изъ нея религіозно-нравственный, воспитательный выводъ, или содержала въ себѣ полезный, здоровый матеріалъ для чтенія. Въ своей книгѣ я размѣстилъ статьи въ слѣдующихъ шести отдѣлахъ:

Отдѣлъ первый заключаетъ въ себѣ статьи, имѣющія характеръ религіозный.

II.

Отдѣлъ второй—статьи, относящіяся: до любви къ Царю, выраженія вѣрноподданныхъ чувствъ, прославленія Его Священнаго Имени и до подвиговъ русскихъ Царей.

Отдѣлъ третій—статьи, возбуждающія: любовь къ родинѣ и къ отечеству, къ его славѣ и величію; сознание народнаго, русскаго духа.

Отдѣлъ четвертый—статьи, указывающія на необходимыя для человѣка добродѣтели: любовь къ труду, терпѣніе, милосердіе, скромность, благодарность, самоотверженіе; осуждающія пороки: лѣнь, гордость, зависть, неблагодарность.

Отдѣлъ пятый—статьи, содержащія въ себѣ: описаніе картинъ природы, четырехъ временъ года; разныя сцены изъ прстонародной и сельской жизни, отличающіяся свѣжестью, непосредственностью, теплотою отношеній къ описываемымъ явленіямъ, предметамъ и событіямъ, что благотворно дѣйствуетъ на дѣтей.

Отдѣлъ шестой—статьи касающіяся: до пользы ученія, школьной жизни и тѣхъ завѣтовъ, которые человѣкъ долженъ вынести изъ школы.

2) При начальномъ обученіи необходимо заставлятъ учениковъ читать хорошія, звучныя стихотворенія, такъ какъ чтеніе ихъ вырабатываетъ плавность и выразительность чтенія болѣе, чѣмъ чтеніе прозаическихъ статей. Такимъ образомъ, чтеніе учениками хорошихъ стихотвореній составляетъ важный педагогическій пріемъ при выработкѣ хорошаго механизма чтенія. Въ числѣ же книгъ, предназначенныхъ для чтенія въ начальныхъ училищахъ, нѣтъ книги, состоящей изъ однихъ стихотвореній, и строго удовлетворяющихъ вышеуказаннымъ

III.

мною требованіямъ. Потому, желая дать ученикамъ читать подходящую статью въ стихахъ, приходится перелистывать книгу для чтенія и искать въ ней хотя какое-нибудь стихотвореніе. Во многихъ же книгахъ для чтенія содержится весьма мало стихотвореній, или вовсе ихъ нѣтъ, или выборъ помѣщенныхъ въ нихъ стихотвореній неудаченъ и они не могутъ принести дѣтямъ должной пользы.

3) Помѣстивъ стихотворенія лучшихъ русскихъ поэтовъ и подписавъ подъ каждымъ имя автора, я имѣлъ въ виду хотя такимъ путемъ познакомить учениковъ съ именами нашихъ извѣстныхъ писателей, которые должны быть дороги сердцу каждаго русскаго человѣка и которыми мы должны гордиться.

4) Большая часть помѣщенныхъ мною стихотвореній извѣстна; они повторяются и заучиваются наизусть дѣтьми во многихъ училищахъ. Но въ другихъ сборникахъ и книгахъ для чтенія они помѣщены въ отдѣльности и потому часто нельзя найти извѣстнаго, милаго, хорошаго стихотворенія въ той книгѣ для чтенія, которая имѣется въ училищѣ. Мой же сборникъ имѣетъ цѣлью совмѣстить въ себѣ почти все наиболѣе извѣстныя стихотворенія, полезныя по своему содержанію и нужныя въ училищахъ для чтенія, заучиванія ихъ наизусть и пѣнія.

5) Стихотворенія, помѣщенные въ моей книгѣ, могутъ дать поводъ дѣлать съ ними слѣдующія упражненія, служація къ большому развитію въ дѣтяхъ сознательности и вырабатывающія въ нихъ способность къ мысленію:

А) Разсказъ своими словами прочитанной статьи или письменное изложеніе ея.

IV.

Б) Объясненіе словъ прочитанной статьи: 1) выдѣленіе и группировка словъ, означающихъ: предметы, дѣйствіе или состояніе предмета, качества его и т. под.; 2) противоположеніе данному слову другихъ словъ, означающихъ противоположные предметы, качества, дѣйствія; 3) замѣна однихъ словъ другими, однозначущими словами (синонимами); 4) объясненіе словъ, имѣющихъ переносное значеніе (фигуральное), раскрытіе ихъ значенія и замѣна ихъ словами, имѣющими прямой смыслъ.

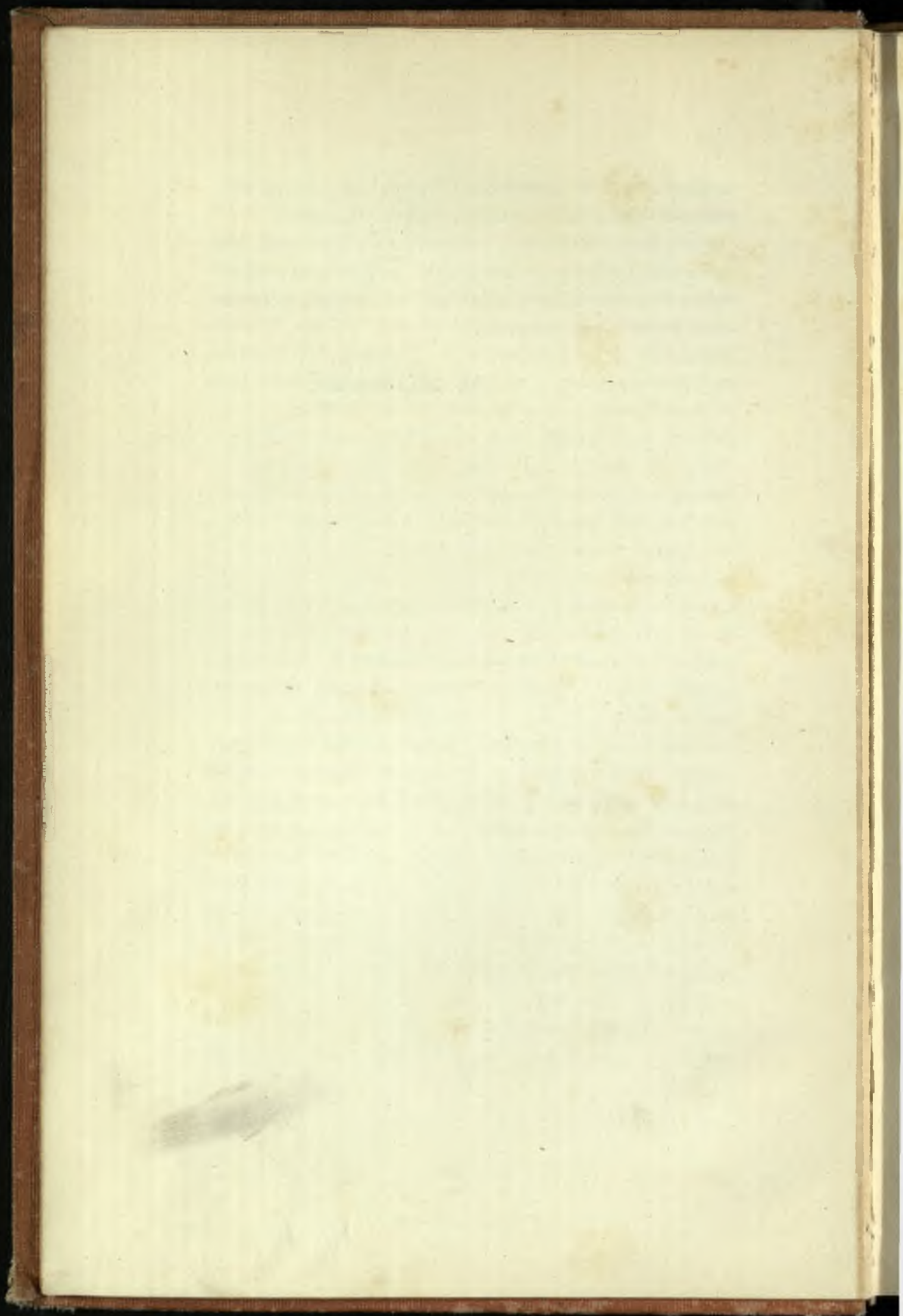
В) Логическія упражненія надъ прочитанной статьей, къ которымъ относятся слѣдующія занятія: 1) раздѣленіе этой статьи по ея содержанію на части и наименованіе каждой части; выдѣленіе главной мысли статьи и выводъ изъ нея правоученія, если статья имѣетъ поучительное значеніе; указаніе соотношенія между главной мыслью и заглавіемъ статьи и замѣна этого заглавія другимъ, вытекающимъ изъ ея содержанія. 2) сопоставленіе содержанія двухъ или нѣсколькихъ статей, имѣющихъ одинаковое заглавіе. Напр. статей: Весна, Лѣто, Осень, Зима, Птичка и т. под. Съ этой цѣлью каждая изъ такихъ статей разбивается на части; выписываются примѣты предмета по каждой статьѣ отдѣльно, сопоставляются между собою и изъ нихъ выводятся заглавіе для каждой статьи. Напр. Осень. Стихотвореніе Некрасова: Пріятная Осень; стихотвореніе Никитина: Непріятная Осень; 3) выводъ одной мысли изъ цѣлаго ряда однородныхъ по содержанію статей. Напр. описаніе любви къ родинѣ по статьямъ: Чужбина, басня Дмитриева; Родина, стихотворенія Жуковскаго, графа Толстаго, Розенгейма; Плѣнный, стихот. Батюшкова; или описаніе пользы ученія по статьямъ: Бабушка и внучекъ, стихот. Плещеева, Школьникъ, стихот. Некрасова; Русскимъ

V.

юношамъ, стихот. Ломоносова; Прощальная пѣсня учениковъ съ училищемъ, стихот. барона Дельвига.

Для всѣхъ этихъ видовъ логическихъ упражненій моя книга даетъ обширный матеріалъ; веденіе ихъ облегчается тою послѣдовательностью, въ которой расположены въ ней стихотворенія.

М. Яблочковъ.

О Т Д Ъ Л Ъ П Е Р В Ы Й.

1. Б о г ъ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ — въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!

.....

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черты начальны Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ, я червь — я богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произошелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь!
Источникъ жизни, блакъ податель,
Душа души моей и Царь!

Твоей-то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижимый!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной радости теряться
И благодарны слезы лить.

Г. Державинъ.

2. Величіе Божіе.

Господь великъ! Великъ и славенъ —
И кто съ Нимъ во вселенной равенъ?...
Предъ Нимъ и солнце, и луна
Въ благоговѣніи нѣмѣютъ:
Его рука міровъ полна,
И мириадами Онъ сѣетъ,
Какъ сельскій сѣятель зерна.....
Господь великъ! Великъ и славенъ —
И кто съ Нимъ во вселенной равенъ?....

Ө. Н. Глинка.

3. Гимнъ Богу.

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ,
Не можетъ изъяснить языкъ!
Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ на землѣ великъ.
Вездѣ, Господь, вездѣ Ты славенъ,
Въ нощи, во дни — сіянемъ равенъ!

Херасковъ.

4. Благость Божія.

(Псаломъ 153.)

Хвалите Бога, Божьи слуги,
Веѣ на колѣни передъ Нимъ!
Мразь, зной, вѣтръ, тишь и звѣздны круги.
Онъ водить все перстомъ Своимъ.
Воздвигните съ любовью руки
И всю тоску, веѣ сердца муки,
О братья! вы къ Его стопамъ
Съ мольбой, съ сердечнымъ тихимъ стономъ —
И Онъ, владѣющій Сіономъ,
Пошлетъ благословенье вамъ.

Ө. Н. Глинка.

5. Всемогущество Божіе.

(Изъ псалма 32-аго.)

Стройте гусли, славы чада!
Гряньте въ праздничный тимпанъ!
Пойте Богу! Онъ отрада,
Стражъ и Царь Сіонскихъ странъ.
Пойте Богу! — Онъ всеилень,
Правосудень, милосердь;
Съ Нимъ Израиль въ браняхъ твердь
И богатствомъ изобилень.
Пойте Богу! — Имъ крѣпка
Царства нашего держава.
И побѣды дивной слава
Знаменита и громка.

Да трепещеть и смирится
Предъ Творцемъ своимъ вся тварь;
Да повсюду воцарится
Богъ, Единный міра Царь!
Онъ Единъ въ могучей длани
Держитъ жребій царствъ земныхъ:
Онъ Единъ караетъ злыхъ
И судьбами править брани.
Не забудьте Вожій страхъ,
Міра срочнаго владыки!
Вы для смертнаго — велики,
Но предъ Богомъ — тотъ же прахъ.

Н. Шатровъ.

6. Воскресеніе Христово.

Въ день Пасхи, радостно играя,
Высоко жавронокъ взлетѣлъ,
И въ небѣ синемъ исчезая,
Пѣнь Воскресенія запѣлъ.
И пѣнь ту громко повторяли
И степь, и холмъ, и темный лѣсъ.
„Проснись, земля!“ они вѣщали,
„Проснись: твой Царь, твой Богъ воскресъ!“

—
Проснитесь горы, доли, рѣки!
Хвалите Господа небесъ!
Побѣждена Имъ смерть во вѣки!
Проснись и ты, зеленый лѣсъ!
Поденѣжникъ, ландышъ серебристый,
Фиалка, зацвѣтите вновь!
И возсылайте гимнъ душистый
Тому, Чья заповѣдь — любовь!“

Княгиня Горчакова.

7. Свѣтлое Воскресеніе.

Свѣтлый день Христовъ явился,
Съ нимъ сопутствуетъ весна;
Зимней ночи мракъ сокрылся,
Жизнь природѣ отдана.
Воды плещутъ, льдины таютъ,
Хвалятъ Бога всяка тварь;
Въ радостяхъ сердца играютъ,
Жидется любви алтарь.

Князь Ив. Долгорукій.

8. Христось Воскресе.

Подъ солнцемъ вьются жаворонки.
Поютъ: Христось Воскресе!
Во все окошки ласточки
Кричатъ: Христось Воскресе!
Сердца у дѣвъ, у юношей
Поютъ: Христось Воскресе!
И все въ отвѣтъ могилушки:
Во истину воскресе!

А. Майковъ.

9. Двадцать пятое Декабря.

Братья! въ этотъ день разбудимъ
Въ сердца то, чѣмъ жизнь свята:
Помогите братьямъ — людямъ
Ради имени Христа.

Помогите братьямъ — людямъ,
Чтобъ рожденный нынѣ Богъ,
Богъ любви и милосердыя,
Въ жизни вамъ самимъ помочь;

Чтобъ за даръ святой участья
Къ безпріютнымъ бѣднякамъ
Воздалъ онъ дарами счастья
Неисчислимыми вамъ.

Помогите братьямъ — людямъ,
Чтобъ семейный вашъ очагъ

Быль согрѣть любовью братскою —
Благомъ всѣхъ желаннѣй благъ.

И полна любовью тою
Укрѣпится вся семья:
Мощны тѣломъ и душою
Будутъ ваши сыновья:

Будеть пышныхъ розъ свѣжѣ
И, какъ лилія, чиста
Дочерей невинныхъ вашихъ
Добродѣтель — красота.

Помогите братьямъ — людямъ!
Наши нивы и поля
Процветутъ, коль жить мы будемъ,
Съ неимущимъ хлѣбъ дѣля.

Неустаннѣ въ работѣ
И сильнѣ та рука,
Что, трудясь, не забываетъ
О страданьяхъ бѣдняка.

Жатву дастъ сторицей колось,
Краше будутъ зрѣть плоды,
Если въ мірѣ смолкнетъ голосъ
Голодающей нужды.

Помогите братьямъ — людямъ,
Чтобъ стяжать любовь Того,
Кто явилъ намъ въ челоуѣкѣ
Милосердья Божество.

И въ тотъ день, когда настанеть
Неизбѣжной смерти часъ,
Милосердыя взоромъ взглянетъ
Богъ страдающихъ на васъ.

В. Буренинъ.

10. Рождество Христово.

Не подъ кровомъ золоченымъ
Величаваго дворца,
Не для счастья и довольства,
Не для царскаго вѣнца —
Ты въ пріютъ позабытомъ
Виоіемскихъ пастуховъ
Родился и нагъ, и бѣденъ —
Царь безчисленныхъ міровъ!

Осторожно, какъ святыню,
Въ руки Мать Его взяла,
Любовалась красотою
Безмятежнаго чела.
Ручки слабыя Младенецъ
Въ грозно-сумрачный просторъ
Съ безпредѣльною любовью
Съ лона Матери простеръ.

Все, что борется, страдаетъ,
Все, что дышитъ и живетъ,
Онъ зоветъ въ свои объятія,
Къ счастью вѣчному зоветъ.
И природа встрепенулась,

Услыхавъ его призывъ,
И помчался ураганомъ
Бурной радости порывъ.

Синева ночнаго неба
Стала глубже и темнѣй,
И безчисленныя звѣзды
Засверкали ярче въ ней;
Всѣ пвѣты и всѣ былинки
По долинамъ и лѣсамъ
Пробудились, воскурили
Благовонный оиміамъ.

Слаще музыка дубравы,
Что затронулъ вѣтерокъ,
И звучнѣ водопадомъ
Низвергается потокъ,
И роскошнѣй покрываломъ
Легъ серебряный туманъ,
Вѣчный гимнъ заплѣлъ стройнѣе
Безграничный океанъ.

Ликовала вся природа,
Величава и свѣтла,
И къ ногамъ Христа-Младенца
Всѣ дары свои несла.
Близъ пещеры три высокихъ,
Гордыхъ дерева росли
И, вѣтвями обнимаясь,
Входъ завѣтный стерегли.

Ель зеленая, олива,
Пальма съ пышною листвою —
Тамъ стояли неразлучной
И могучею семьей.
И онѣ, какъ вся природа,
Всѣ земныя существа,
Принести свой даръ хотѣли
Въ знакъ святаго торжества.

—
Пальма молвила, склоняя
Долу съ гордой высоты,
Словно царскую корону,
Изумрудные листы:

„Коли, злобой гонимый
Жестокихъ враговъ,
Въ безбрежной равнинѣ
Зыбучихъ песковъ
Ты, Господи, будешь
Пріюта искать,
Бездомнымъ скитальцемъ
Въ пустыняхъ блуждать,
Тебѣ я открою
Зеленый шатерь,
Тебѣ я раскину
Цвѣточный коверъ.
Приди Ты на отдыхъ
Подъ мирную сѣнь:
Тамъ сумракъ отрадный,
Тамъ свѣжая тѣнь.“

Отяженная плодами,
Гордой радости полна,
Преклонилася олива
И промолвила она:

„Коль, Господи, будешь
Ты злыми людьми
Покинуть безъ пищи—
Мой даръ Ты прими.
Я вѣтви радушно
Тебѣ протяну
И плодъ золотистый
На землю стряхну.
Я буду лелѣять
И влагой питать,
И сокомъ янтарнымъ
Его наливать.“

Между тѣмъ, въ уныньѣ тихомъ,
Боязлива и скромна,
Ель зеленая стояла,
Опечалилась она.
Тщетно думала, искала —
Ничего, чтобъ принести
Въ даръ Младенцу-Иисусу
Не могла она найти...

Иглы острыя, сухія,
Что отгалкиваютъ взоръ,
Бѣ судьбой несправедливой
Предназначены въ уборъ.
Стало грустно бѣдной ели;
Какъ у ивы надъ водой,
Вѣтви горестно поникли
И прозрачною смолой
Слезы капаютъ обильно
Отъ стыда и тайныхъ мукъ,
Между тѣмъ какъ все ликуеть,

Улыбается вокругъ.

—
Эти слезы увидала
Съ неба звѣздочка одна,
Тихимъ шопотомъ подругамъ
Что-то молвила она.
Вдругъ посышалась — о, чудо!
Звѣзды огненнымъ дождемъ,
Елку темную покрыли,
Всю усѣяли кругомъ;
И она затрепетала,
Вѣтви гордо подняла.
Міру въ первый разъ явилась
Ослѣпительно свѣтла....

—
Съ той поры донинѣ, дѣти,
Есть обычай у людей
Убирать роскошно елку
Въ звѣзды яркія свѣчей.
Каждый годъ она сіяетъ
Въ день великій торжества
И огнями возвѣщаетъ
Свѣтлый праздникъ Рождества.

Д. Мережковскій.

11. Всенощная въ селѣ.

День вечерѣлъ. Косая тѣнь
Ложилась низко и широко....
Завтра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка....

Приди ты, немощный!
Приди ты, радостный!
Звонять ко всенощной,
Къ молигвѣ благостной.
И звонъ смиряющій
Веѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!

Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая;
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая!
И службы Божіи
Богато справлены,
Иконъ подножія,
Свѣчьми уставлены.
И старь, и младъ войдетъ—
Сперва помолится.
Поклонъ земной кладеть,
Кругомъ поклонится.....
И стройно клирное
Поется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О веѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано....

А въ церкви дымъ висѣтъ
Густой отъ ладона.....
И заходящими
Лучами сильными
И вкось блестящими
Столбами пыльными —
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится;
Въ окно-жь открытое
Несется синій дымъ
И пѣнье слитое.

И. Аксаковъ.

12. М о л и т в а.

Отче нашъ! сына моленью внемли!
Все — проникающую,
Все — созидающую,
Братскую дай намъ любовь на земли!

Сыне, распятый во имя любви!
Ожесточаемое,
Оскудѣваемое
Сердце Ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ Святый! правды источникъ живой!
Силы дай страждущему;
Разуму жаждущему
Ты вождѣльнныя тайны открой!

Боже! спаси Ты отъ всякихъ цѣпей
Душу проснувшуюся

И ужаснувшуюся
Мрака и зла, и неправды людей!

Вставшихъ на гласъ Твой услыши мольбу!
И цѣпенѣющую
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

Я. Полонскій.

13. М о л и т в а.

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья
И духъ мой томный обнови,
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.

Не страшны мнѣ мои страданья:
Они залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья.

Взгляни на сердце нищему,
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Иоанна чистоту,

Дай мнѣ донести вѣнецъ мой тѣлнный
Подъ игомъ тяжкаго креста
Къ ногамъ Спасителя Христа!

И. Козловъ.

14. М о л и т в а.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьѣ словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души, какъ бремя, скатится
Сомнѣнье далеко....
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко....

Мих. Лермонтовъ.

15. М о л и т в а.

Молись, дитя! Тебѣ внимаетъ
Творецъ невѣдомыхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И помогать тебѣ готовъ.

Молись, дитя! Мужай съ лѣтами!
И дай Богъ въ пору позднихъ лѣтъ
Таковыми-жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ!

И. Никитинъ.

1877
81888-13558

16. М о л и т в а.

Съ блескомъ утренней зари
Пробудясь, мольбу твори!
Утра пусть живымъ сіяньемъ,
Листьевъ свѣтлыхъ трепетаньемъ,
Пусть прозрачною росой,
Всей красою предъ тобой
Сила Божья проблеститъ —
Душу мирно озаритъ!
Плеску волнъ и переливамъ
Вторять пусть твои призывы:
„Да исчезнуть зло и лѣнь!
Боже, дай намъ добрый день!“

А. Лукинъ.

17. Псаломъ XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты.
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшиваль, не продаваль,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветаль;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакаль передъ Нимъ!

8555-13553
85878
K/X

И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчить? —
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушить!
Въ вѣнцѣ ли онъ? — Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы
И нивы златомъ закипаютъ!
Возьметъ ли арфу? — Дивной силой
Духъ преисполнится его
И, какъ орелъ ширококрылой,
Взлетитъ до Неба Твоего.

Н. Языковъ.

18. Псаломъ XIV.

Господи! кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?

Тотъ, кто ходитъ непо рочно,
Правду завсегда хранить,
И нелицемъ сердцемъ, точно
Какъ языкомъ, говорить.

Что устами льстить не знаетъ,
Влижнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ Нимъ душею правыхъ
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ, —
Кто такъ жить на свѣтѣ тѣшитъ,
Тотъ во вѣки не падеть.

Мих. Ломоносовъ.

19. Слово Божіе.

Когда тебя коснется искушенье,
И овладѣть тобой готово зло,
Иди тогда, спѣши въ уединенье,
И передъ образомъ склони чело.

Возьми, читай святую книгу Бога,
Вливай душой спасенья словеса —
И всякая пройдетъ въ тебѣ тревога,
И сердцемъ ты увидишь небеса.

Повѣрь, когда преклонны будутъ лѣта,
Душевныхъ бурь прокатится волна,
Покинешь ты всѣ книги; только эта
Съ тобой на вѣкъ останется одна.

И въ ней найдешь, чего нигдѣ дотолѣ
Не обрѣталъ въ пространномъ мірѣ семъ,
И ничего просить не станешь болѣ:
Тутъ полнота всѣхъ благъ, тутъ все — во всемъ.

А. Селезнева.

20. Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Иордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Пустыни бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манить въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты.
И дольний прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустиль онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучший воинъ,
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?...

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Іерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

—
Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой....
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Мих. Лермонтовъ.

21. А н г е л ь .

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ; и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Мих. Лермонтовъ.

22. На кончину Митрополита Московскаго
Филарета.

(19 ноября 1867 г.)

Померкъ церковнаго свѣтила
Сіявшій намъ полвѣка свѣтъ!
Печаль Россію всю сразила:
Угасъ Московскій Филаретъ!

Потухъ огонь въ очахъ Владыки,
Умолкли сладкія уста;
Повсюду плача гласъ великій
Воздвигла паства-сирота.

Первопрестольная столица,
Священный окружая прахъ,
Лобзаетъ Пастыря десницу,
Съ Отцемъ прощается въ слезахъ!

И раздаются вопли стада:
Моли о насъ, святой Отецъ!
Мы вѣримъ: ждетъ тебя награда
Въ блаженной вѣчности—вѣнецъ!

Передъ Творцемъ благоутробнымъ
Твоихъ сиротъ ты не забудь,
Предстательствомъ Твоимъ загробнымъ
Ты къ Нему проложи намъ путь.

Л. Бутовскій.

23. Г И М Н Ъ

первоучителямъ Славянъ св. Кириллу и Меѳодію.

(Въ тысячулѣтнюю годовщину ихъ памяти
6 апрѣля 1885 г.)

Слава вамъ, братья, Славянъ просвѣтители,
Церкви славянской Святые Отцы!
Слава вамъ, правды Христовой учителя,
Слава вамъ, грамоты нашей творцы!
Будьте-жъ славянству звеномъ единенія,
Братья святые, Меѳодій, Кирилль!....
Да осѣнитъ его духъ примиренія
Вашей молитвой предъ Господомъ силъ.

М. Розенгеймъ.

О Т Д Ъ Л Ъ В Т О Р О Й.

24. Пѣня русскаго народа.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный!
Боже, Царя Храни!

Вас. Жуковскій.

25. С л а в ь с я!

Славься, славься, нашъ Царь,
Господомъ данный намъ, Царь-Государь!
Да будетъ безсмертенъ Твой Царскій родъ,
Да Имъ благоденствуетъ Русскій народъ!
Слава Нашему Царю! Ура! Ура! Ура!

Баронъ Розень.

26. Молитва за Царя.

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!

Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все испошли!

Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!

Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все-жъ недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!

Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ—
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!

Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемерную,
Доблестямъ вѣрную,
Ты помни!

О, Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!

Къ благу стремленіе,
Въ счастья смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
 Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ спутникомъ
 Насъ провожай!

Свѣтло—прелестная,
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная,
 Вѣчно сіяй!

Вас. Жуковскій.

27. С л а в а.

Слава на небѣ солнцу высокому—
На землѣ Государю Великому!
Слава на небѣ утру прекрасному—
На землѣ Государынѣ ласковой!
Слава на небѣ ясному мѣсяцу—
На землѣ Государю Наслѣднику!
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи—
Сыновьямъ, Дочерямъ Государевымъ
И Великому Князю съ Княгинею!
Слава громамъ, играющимъ на небѣ—
Слава храброму Русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному—
Слава Русскому Царству великому!
Веселися ты, солнце небесное,—
Многи лѣта Царю Благовѣрному!

В. Жуковскій.

28. Многи лѣта, многи лѣта.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полевѣту
Имя Царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское ура,
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы Шведу
Русскій путь загородилъ
И за Нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ нашъ русскій штыкъ,
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми-жь до граней свѣта
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: многи лѣта,
Православный Русскій Царь!

Величайся-жь, Русь святая!
Славься, доблестный народъ!
Отъ Камчатки до Дуная
Наше все и все поеть:
Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!

В. Жуковскій.

29. Къ памятнику Петра Великаго.

Се образъ изваянь премудраго героя,
Что ради подданныхъ, лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и, царствуя, служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ.
Рожденны къ скипетру, простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрываль, чтобъ намъ открыть
научи.
Когда онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ
войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ
въ моряхъ,

Художниковъ сбираль и обучаль солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и вѣшнихъ супоста-
товъ.

И словомъ: се есть Петръ, отечества отецъ!
Земное божество Россія почитаетъ,
И столько алтарей предъ зракомъ симъ пы-
лаеть,

Сколь много есть обязанныхъ сердець.

М. Ломоносовъ.

30. К т о О н ъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Вѣхаль всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ Невскимъ берегамъ.

Только вотъ — рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматриваль дырявый,
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „здравствуй, дѣдь!“
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди, да у моря сиди.“

Вамъ, вѣдь, все ничто боярамъ,
А челнокъ для рыбака,
То-жъ что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.

Шведы, наши-ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ — ого вѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ....
Ходить въ мѣрѣ, ходитъ грѣхъ!

Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь - въ лѣсъ бы.... Вѣдь, грѣшно!...
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно....

Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ подѣ Пскова, вѣдь, на лѣго
Промышлять сюда идемъ.“

Всадникъ прочь съ коня и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И посиѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото —
И челнокъ на славу вышелъ,
А, вѣдь, былъ, что рѣшето.

— „Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай.

Да закинуть съѣтъ на счастье
На Петрово попытай.“

„На Петрово! эго слово
Молвил!“ — думаетъ рыбакъ —
„Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ....
А по рѣчи..... Какъ же такъ?“....

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотреть въ лѣсъ,
Смотрить долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Майковъ.

31. Полтавскій бой.

Было дѣло подь Полтавой,
Дѣло славное, друзья!
Мы дрались тогда со Шведомъ
Подь знаменами Петра.
Нашъ могучій Императоръ
(Память вѣчная ему)
Самъ, родимый, предь полками
Словно соколь онъ леталъ.
Бой горѣлъ. Герой Полтавы,
Нашъ державный великанъ,
Ужъ не разъ грозою грянулъ
На могучій вражій станъ.
Пули облакомъ неслися,
Кровь горячая лилась,..

Вдругъ одна злодѣйка пуля
Въ шляпу царскую впилаась.
Видно, Шведы промахнулись:
Императоръ усидѣль,
Шляпу сняль, перекрестился,
Въ битву снова полетѣль.
Много Шведовъ, много Русскихъ
Подъ Полтавою легло.
Вдругъ еще злодѣйка пуля—
Въ его царское сѣдло.
Не смутился Императоръ:
Взоръ, какъ молнія, блисталъ,
Конь не дрогнулъ отъ удара,
Но быстрѣе поскакаль.
И какъ разъ и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ:
Прямо въ грудь ему летѣла
И ударилаась, какъ громъ:
На груди его высокой
Чудотворный крестъ сіяль.
Пуля съ визгомъ отскочила
Отъ чудеснаго креста,
И спасенный побѣдитель
Славиль Господа Христа.
Было дѣло подъ Полтавой,
Сотни лѣтъ еще пройдутъ,
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ.

Молчановъ.

32. Полтавскій бой.

Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочуть пушки. Дымъ багровый
Клубами входить къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные птыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своей
Ея стремленія крѣпить.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбиты дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розень сквозь тѣнины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ;
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасень.
Движенья быстры. Онъ прекрасень,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ... Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожить, глазами косо водитъ
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаеть.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ....
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Равняясь, строятся полки;
Молчить музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра!

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостень, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сии птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнаго,

Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ. *)

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.

*) А. Д. Меньшиковъ.

Бросая груды тѣль на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгають, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шишатъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ:
Бой барабанный, клики, скрежетъ:
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!

А. Пушкинъ.

33. Два великана. *)

Въ шапкѣ золота лилаго
Старый русскій великанъ
Поджидать къ себѣ другаго
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ.
 За горами, за долами
 Ужъ гремѣль о немъ разсказъ,
 И помѣряться главами
 Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражескій вѣнецъ.
 Но улыбкой роковою
 Русскій витязъ отвѣчалъ,
 Посмотрѣль, тряхнулъ главою:
 Ахнулъ дерзкій — и уналъ....

*) Императоръ Александръ I-ый Благословенный и Наполеонъ I-ый.

Но упаль онъ въ дальнемъ морѣ,
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

М. Лермонтовъ.

34. Б о р о д и н о .

„Скажи-ка, дядя, вѣдь, не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

Вѣдь, были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнить вся Россія
Про день Бородина!“

— „Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!

Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля....
Не будь на то Господня воля —
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:

„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣють что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редуть.

У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ, какъ — тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ — мусью!

Что тутъ хитрить? пожалуй къ бою!
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.

Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добратся до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у лафета.
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликоваль Французъ.

Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось - -
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнуль за строемъ строй.

Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга Царю, отецъ солдатамъ....
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спить въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подь Москвой,

Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ, былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редуть.

Уланы съ пестрыти значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣль,

Звучаль булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала, —
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣль.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значить русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...

Земля тряслась — какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой....

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять....

Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищey считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы.

Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля....
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!“

М. Лермонтовъ.

35. Бородинская годовщина.

Русскій Царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Тамъ, престоль и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престоль, и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались;
Холмы въ громахъ загорались:
Бомбы падали дождемъ,
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно—золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинъ обитель: *)
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣсть,
Всѣхъ рѣшитель браней—Крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другаго поколѣнья
Новымъ, славнымъ ужъ Царемъ **)
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно;
Тѣ-жъ орлы, тѣ-жъ знамена,
И полковъ тѣ-жъ имена....
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей Царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

*) Спасо-Бородискій монастырь, выстроенный на мѣстѣ смерти генерала А. А. Тучкова его вдовою.

**) Императоромъ Николаемъ I-мъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный Герой! *)
Ты обѣтъ изрекъ святой.
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
„Имъ—Россія спасена.“

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ обѣтъ
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли!
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь—за общую намъ мать!

В. Жуковскій.

*) Императоръ Александръ I-ый Благословенный.

36. Пѣснь на присягу Государя Наслѣдника
Александра Николаевича.

На древней высотѣ Кремля
Въ великій праздникъ Воскресенья
Узрѣла Русская земля
Прекрасный день его рожденья.

Смѣнялся быстро годомъ годъ:
Онъ сбросилъ дѣтскую одежду,
И въ немъ привѣтствуетъ народъ
Россіи свѣтлую надежду.

И умильный обрядъ,
Встрѣчая праздникъ Воскресенья,
Свершаетъ нынѣ Петроградъ
Въ прекрасный день его рожденья.

Въ храмъ Божій входитъ Царскій сынъ
И руку къ небесамъ подымлетъ;
Предъ нимъ — Отецъ и властелинъ;
Присягу Сына Царь приемлетъ.

Съ благословеніемъ вонми
Словамъ души его младыя
И къ небу руки подними
Съ нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія!

Молись, да долго свой вѣнецъ
Нося, примѣръ владыкамъ славный,

Упрочить благостью Отецъ
И правдой тронъ самодержавный;

Чтобъ Сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобъ на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія!

В. Жуковскій.

37. Освобожденіе крестьянъ.

(19 февраля 1861 года.)

День встаетъ багрянъ и пышенъ,—
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепеть слышенъ,
Чѣмъ то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно, прекрасно
Влещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,—
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ,
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!...

Пусть почиют мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ.... Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ....

Слышишь? новому онъ лѣту
Пѣсню радости постъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ!
Людямъ миръ, благоволенье!
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ...
Дню вчерашнему — забвенье,
Дню грядущему — привѣтъ!

И. Аксаковъ.

38. Пѣснь о волѣ.

Ахъ, ты воля, моя воля,
Золотая ты моя!
Воля — соколь поднебесный,
Воля -- свѣтлая заря!

Не съ росою-ль ты спустилась,
Не во снѣ ли вижу я?
Аль горячая молитва
Долетѣла до Царя?

Знать провѣдалъ Нашъ кормилецъ
Про житье, бытѣе, нужду...
Аль увидѣлъ Нашъ родимый
Горемычную слезу...

Позабогился немало —
Дай Богъ здравствовать Ему!
Слово молвилъ — чудо стало,
И сбылось все наяву.

Богъ храни-жь Тебя, соколикъ,
Съ слезой радости скажу,
И съ копейкой трудовой
Въ церковь Божию пойду.

Тамъ съ молитвою святою
Передъ образомъ свѣчу
За Тебя, Нашъ ненаглядный, —
Солнце красное, зажгу.

И за матушку — Царицу,
И за весь Твой Царскій Домъ
Запылаетъ восковая
Яркимъ пламеннымъ огнемъ!

На душѣ великій праздникъ
И на всей Руси святой,
Да и на небѣ — то ясномъ
Не безъ радости большой.

Звѣзды ярче заблистали,
Солнце свѣтитъ горячѣй:
Времена не тѣ ужъ стали, —
Сердце бьется веселѣй.

Удаль просится на волю,
Плугъ не страшенъ для меня,—
Распотѣшусь въ чистомъ полѣ,
Потружуся для себя,

Для родной семьи съ охотой!
И за все Ему, Ему,
Будеть вѣчное спасибо,
Слава Батюшкѣ — Царю!

Веселись же, людъ крещеный!
И свободу, и Царя
Дружно, весело мы встрѣтимъ,
Миромъ грянемъ мы: ура!
Ура! Ура! Ура!

Изъ книги Л. Соковниной:
Дѣти, Школа и учитель.

О Т Д Ъ Л Ъ Т Р Е Т Ъ Й.

39. Р о д и н а.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
 Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
 И первыхъ лѣтъ уроки, —
Что вашу сладость замѣнить?...
 О, родина святая,
Какое сердце не дрожить
 Тебя благословляя!

В. Жуковскій.

40. Р о д и н а.

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О, родина! все дни твои прекрасны!
Гдѣ-бъ ни былъ я, но все съ тобой
 Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
Осеребряемый росою,
Свѣтился дугъ вечернею порою,
И тишина слетала въ лѣсъ
 Съ небесъ?

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойный,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойный,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройный,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла;
Даль озарялась и свѣтлѣла;
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ—
Все тамъ!

В. Жуковский.

41. Р о д и н а.

Мила мнѣ русская природа
И быть роднаго мнѣ народа;
Всѣ ежедневныя картины,
Поля, и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляска съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ нашихъ мужичковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ,
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ.
Люблю я тройку удалую,
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную сбрую
И золоченую дугу;

Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода.
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Идутъ безчисленны суда....

Графъ А. Толстой.

42. Любовь къ отчизнѣ.

Люблю отчизну я...
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ
И на холмѣ средь желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ вечеромъ росистымъ
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ мужиковъ.

М. Лермонтовъ.

43. Родной край.

Пораскинулась Русь широко, далеко,
Какъ парчею, полями нарядная;
Лишь чернѣютъ лѣса,
Рѣкъ, озеръ полоса
И степей ширина неоглядная.

Эка ширь, благодать!
И конца не видать,
Лишь полоска далеко синѣтся;
Въ синей дали полей
Колокольни церквей,
Словно чайки, на солнцѣ бѣлѣются.

По ночамъ голубымъ,
По зарямъ золотымъ
Все покрыто росюю душистою;
А при свѣтѣ зари
На лугахъ косари
Уже машутъ косою серебристою.

Рожь стоитъ, какъ стѣна;
Золотая волна
Легкой зыбью гуляетъ по полюшку.
Какъ стада бѣлыхъ птицъ,
Много жнетъ молодежи,—
Съ звонкой пѣней про вольную волюшку,

Какъ привольна Ока,
Широка, глубока.
По родимой Руси разливается:
И звонка, какъ свирель,
Голосистая трель
Ранней пташки надъ ней разсыпается.

По изгибу рѣки
Вичевой бурлаки
Тянуть съ хлѣбомъ расшиву тяжелую,
Тихо въ ногу идутъ,
Тихо пѣню поютъ....

И. Пановъ.

44. Р о д и н а.

Есть далеко сторона:
Часто снится мнѣ она,
И отраднo, хоть во снѣ,
Повидаться съ нею мнѣ.
Что-жь за чудный это край,
Что къ нему, какъ будто въ рай,
Сердце просится, летитъ,
Что душа по немъ болитъ,
Что люблю его такъ я!....
Край тотъ — родина моя.

Говорятъ: та сторона
И сурова, и хладна,
Что зима тамъ страхъ долга,
Что глубоки тамъ снѣга
И что вѣчно въ краѣ томъ
Небо пасмурно кругомъ....
Пусть все такъ; но отчего
Не смѣню я на него
Юга свѣтлые края?...
Край тотъ — родина моя.

Въ той далекой сторонѣ
Все знакомо и мило мнѣ:
И земля, и небеса,
Стени, горы и лѣса,
Гладь озеръ и ленты рѣкъ,
И землякъ мой — человекъ,

И подь сѣнію крестовъ
Гробы мирные отцевъ.
Тамъ, бездомный, дома я,
Тамъ, вѣдь, родина моя!

М. Розенгеймъ.

45. Р у с ь.

Подь большимъ патромъ
Голубыхъ небесъ
Вижу — даль стеней
Зеленѣется,

И на граняхъ ихъ
Выше темныхъ тучъ
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По стениамъ въ моря
Рѣки катятся
И лежать пути
Во все стороны.

Посмотрю на югъ —
Нивы зрѣлыя,
Что камышь густой,
Тихо движутся;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу —
Тамъ въ глуши пустынь
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Поднимаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходить по морю;
И пожаръ небесъ *)
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную....

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ-бъ разгуль нашла
Воля смѣлая?

У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?

*) Сѣверное сіяніе.

Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ
Подъ курганами
Положила ты
Татарь полчища.
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.
И давно-ль было,
Когда съ Запада *)
Облегла тебя
Туча темная?...
Подъ грозой ея
Лѣса падали
Мать сыра—земля
Колебалася,
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ.
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань—
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,

*) Нашествіе Французовъ въ 1812 году.

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами
Улеглись спать
Гости на вѣки.

Хоронили ихъ
Выюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!...
И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишить
Православный людъ.

По сѣдымъ морямъ,
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ къ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумять,
И лежать въ землѣ
Груды золота;

И во всѣхъ концахъ
Свѣта блага
Про тебя идетъ
Слава громкая.

Ужь и есть за что,
Русь могучая,
Полубить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

И. Никитинъ.

46. Р о с с і я.

Гой, красна земля Володимира!
Много сель въ тебѣ, городовъ большихъ,
Много люду въ тебѣ православнаго!
Въ сини горы ты упираешься,
Синимъ моремъ ты омываешься;
Не боишься ты люта ворога,
А боишься лишь гнѣва Божія.

Гой, красна земля Володимира!
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Миромъ—разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта ворога отодвинули.
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ:
Послужили тебѣ службу крѣпкую.

Службу ббльшую я служилъ тебѣ:
Отъ меня-ль въ степяхъ мужички пошли,
Мужички пошли богатые,
Знаютъ чинъ свой, знаютъ добычу.
Братьевъ любятъ, Богу молятся.
Отъ меня-ль въ судахъ правда—судъ пошли,
Правда—судъ пошли неподкупные,— -

Правда въ слушаніе, судъ въ видѣніе.
Отъ меня-ль пошла въ цѣлый міръ молва,
Что и синяго неба не выглядѣтъ,
Что и синяго моря не вычерпать —
То красна земля Володимира.
Полюбуйся ей—не насмотришься,
Черпай разумъ въ ней—не исчерпашь!

Ходитъ по небу солнце ясное,
Грѣетъ, свѣтитъ міру цѣлому;
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ, да песчинкамъ счету нѣтъ.
По землѣ ходитъ слово Божіе,
Грѣетъ жизнию, свѣтитъ радостью;
Блещутъ главы церквей золоченыя,
А Господнихъ слугъ, да моельщиковъ,
Что травы въ стѣняхъ, что песку въ моряхъ!

А. Хомяковъ.

47. М о с к в а.

Городъ чудный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашень,
Весь нестрѣнешъ ты въ садахъ;
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ

И надъ малою рѣкою
Сталь великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастають деревья;
Глазъ не схватить улицъ длинныхъ....
Это — матушка Москва.

Кто, силачь, возьметъ въ оханку
Холмъ Кремля — богатыря?
Кто собьетъ златую шанку
У Ивана-звонаря?

Кто Царь-колоколь подниметъ?
Кто Царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У Святыхъ въ Кремлѣ воротъ?...

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ,
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ.

Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Вѣлокаменная!

И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною

И изъ непа ты возстала
Неизмѣнною!

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Ө. Глинка.

48. Санктъ-Петербургъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, *) думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣть... Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ,
Въ туманѣ спрятавшаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ Шведамъ:
Здѣсь будетъ городъ заложень
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ --
И запируемъ на просторѣ.“

Прошло сто лѣтъ -- и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальной насынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ

*) Императоръ Петръ Великій.

Бросаль въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранить одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова....
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранить,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы,
И яны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна зоря смѣнить другую
Смѣнить, давъ ночи полчаса;

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Въгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красоту;
Въ ихъ стройно — зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій Домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуеть.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнь старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

А. Пушкинъ.

49. Новгородъ.

„Валяй, ямщикъ, да говори:
Далеко-ль Новгородъ?“

— „Недалеко,

Версты четыре или три.“

„Вотъ видишь: что-то тамъ высоко,
Какъ черный лѣсъ изъ далека?...“

„Ну, вижу; это облака.“

— „Нѣтъ, это Новгородскія кровли.“

Ты-ль предо мной? о, древній градъ
Свободы, славы и торговли!

Какъ живо сердцу говорятъ
Холмы разсѣянныхъ обломковъ!

Не смолкли въ нихъ твои дѣла

И слава предковъ перешла

Въ уста правдивыя потомковъ.

Ну, тройка духомъ донесла!

„Потише. Гдѣ соборъ Софійской?“

— „Соборъ отсюда, баринъ, близко.

Вотъ улица, да влѣво двѣ,

А тамъ найдешь хоть самъ собою;

И крестъ на голубой главѣ

Ужъ будетъ прямо предъ тобою.“

Вездѣ былого свѣжій слѣдъ.

Вѣка прошли... Но ихъ полетъ

Промчался здѣсь, не разрушая.

„Ямщикъ, гдѣ площадь вѣчевая?“

— „Прозванья этого здѣсь нѣтъ...“

„Какъ нѣтъ?“

— „А площадь недалеко
За этой улицей широкой...
Вотъ площадь. Видишь шесть столбовъ.
По сказкамъ нашихъ стариковъ,
На сихъ столбахъ висѣлъ когда-то
Огромный колоколь, но онъ
Давно отсюда увезенъ.“
„Гдѣ Волховъ?“

— „Онъ передъ тобой
Течетъ подъ этою горой.“
Все также онъ волною шумной,
Играя, весело бѣжитъ.
Онъ о минувшемъ не груститъ.

Такъ все здѣсь близко, какъ и прежде!
Теперь ты самъ отвѣтствуй мнѣ,
О, Новградъ! въ вѣковой одеждѣ
Ты предо мной, какъ въ сѣдинѣ,
Безсмертныхъ витязей ровесникъ.
Твой прахъ гласить, какъ бдящій вѣстникъ,
О непробудной старинѣ.
Отвѣтствуй, городъ величавый:
Гдѣ времена цвѣтущей славы,
Когда твой голосъ, звуча здѣсь въ бурномъ
вѣчѣ,

Къ суду или кровавой сѣчѣ
Сзывалъ послушныхъ сыновъ!
Когда твой мечъ, гроза сосѣда,
Каралъ Ливонію и Шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой!

Скажи: гдѣ эти времена?
Они далеко.... ахъ, далеко!

Дм. Веневитиновъ.

50. К і е в ъ.

О, Кіевъ—градъ, гдѣ съ вѣрою святою
Зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ,
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою главою
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ,
Гдѣ стелются зеленой пеленою
Поля твои въ раздольѣ золотомъ,
И Днѣпръ—рѣка подъ древними стѣнами
Кипитъ, шумитъ пѣнистыми волнами!

Какъ часто я душой къ тебѣ летаю,
О свѣтлый градъ, по сердцу мнѣ родной!
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ плѣняю
Священною твоею красотою!
У Лаврскихъ стѣнъ земное забываю,
И надъ Днѣпромъ брожу во тьмѣ ночной:
Въ очахъ моихъ все русское прямое—
Прекрасное, великое, святое.

Ужъ мѣсяць всталъ; Печерская сіяетъ;
Главы ея въ волнахъ рѣки горятъ;
Она душѣ вѣка напоминаетъ;
Небесные *) тамъ въ подземельѣ спятъ;
Надъ нею тѣнь Владимира летаетъ;

*) Мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ,

Зубцы ея о славѣ говорятъ.
Смотрю-ли вдаль вездѣ мечта со мною,
И милою все дышетъ стариною.

Тамъ витязи сражались удалые,
Могучіе, за родину въ поляхъ;
Красою здѣсь цвѣли княжны младыя,
Стыдливыя въ высокихъ теремахъ,
И пѣль Баянъ *) имъ бытвы роковыя,
И тайны жаръ таился въ ихъ сердцахъ.
Но полночь бьетъ, звукъ мѣди умираетъ,
Къ минувшимъ днямъ еще день улетаетъ.

Гдѣ-жь смѣлые, которые сражались,
Чей острый мечъ, какъ молнія, сверкалъ?
Гдѣ та краса, которой все плѣнялись,
Чей милый взглядъ свободу отнималъ?
Гдѣ тотъ пѣвецъ, чьимъ пѣньемъ восхищались?
Ахъ, вѣщій бой на все мнѣ отвѣчалъ!
И ты одинъ подъ башнями святыми
Шумишь, о Днѣпръ, волнами вѣковыми!

И. Козловъ.

51. К і е в ъ.

Въ ризѣ святости и славы,
Опоясанъ стариной,
Старецъ Кіевъ предо мной
Возблисталъ золотоглавый.
Здравствуй, старецъ величавый!

*) Древній пѣвецъ.

Здравствуй, труженикъ святой!
Здравствуй, Днѣпръ — поитель давній
Незабвенной старины!
Чу! На звонъ моей струны
Сердце слышитъ плескъ отзывный
Удалой, многоразливной
Святославовой волны.
Здѣсь Владимиръ кругомъ тѣснымъ
Сыновей своихъ сомкнулъ
И хоругви развернулъ,
И, наитѣмъ полнъ небеснымъ,
Въ Днѣпръ подъ знаменіемъ крестнымъ
Русь — младенца окунулъ.
Днѣпръ — Перуна гробъ кровавый,
Путь нашъ къ Грекамъ! Не въ тебѣ-ль
Русской славы колыбель?
Ты — истокъ родной державы,
Водный поясъ нашей славы,
Наша крестная купель.
Ты спѣшишь въ порывѣ смѣломъ,
Краю сѣверному въ честь,
О дѣлахъ его дать вѣсть
Юга знойнаго предѣламъ
И молву о царствѣ Вѣломъ
Къ морю Черному принесть.
Божьей милостью обильный,
Кіевъ! много тѣлъ святыхъ
Въ глубинѣ пещеръ твоихъ
Полны жизни безмогильной,
И является Всесильный
Въ чудотворной силѣ ихъ.

Прощай же, чужды гордынь,
Помня были и молясь,
Да въ вѣка переносясь;
Не ослабнетъ, какъ донинѣ,
Русской славой со святыней
Небомъ скованная связь!

Бенедиктовъ.

52. К і е в ъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися.
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ....
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?“

— „Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степеней.“ —
„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей.“

— „Край мой теплый берегъ Евкеина!“
„Край мой берегъ тѣхъ дальнихъ странъ,

Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ.“

— „Дикъ и страшень видъ Алтая,
Вѣчень блескъ его снѣговъ,
Тамъ страна моя родная!“ —
„Мнѣ отчизна старый Псковъ.“

— „Я отъ Ладоги холодной.“
„Я отъ синихъ волнъ Невы.“
— „Я отъ Камы многоводной.“
„Я отъ матушки Москвы.“

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Красе царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго Востокъ.

И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степенъ,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ —
Полкъ молящихся дѣтей, —

Мы вокругъ твоей святыни
Веѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ — жь сыны Воыни?
Галичь, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры.

Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими править чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадь своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднаго,
Зовъ моленья и любви.

И отгорженныя дѣти,
Лишь услышать твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придуть
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой,
Къ жизни духа, къ духу жизни
Возрожденные тобой!

А. Хомяковъ.

53. С л а в я н а м ъ .

Не гордись предъ Бѣлоградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ, мы родные братья —
Дѣти матери одной;
Братьямъ — братскія облятъ,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ.

Испытанья время строго,
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!

Пронесется мракъ ненастный,
И, ожидаемый давно,
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за — одно.

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

А. Хомяковъ.

54. В о л г а.

О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была.
Кругомъ все та же даль и ширь,
Все тотъ же виденъ монастырь
На острову, среди песковъ,
И даже трепеть прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей,
Заслыша звонъ колоколовъ.
Все то же, то же....

Ужъ скоро полдень. Жаръ такой,
Что на песокъ горять слѣды;
Рыбалки дремлютъ надъ водой,
Усѣвшись въ плотные ряды;
Куютъ кузнечики; съ луговъ
Несется крикъ перепеловъ.
Не нарушая тишины
Лѣнливой, медленной волны,
Расшива движется рѣкой....

О, Волга!... колыбель моя!
Любилъ-ли кто тебя, какъ я?
Одинъ по утреннимъ зорямъ,
Когда еще все въ мѣрѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ.

Брожу съ ружьемъ по островамъ;
То, какъ играющій звѣрокъ,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удалъ раннюю мою....

Н. Некрасовъ.

55. Д н ѣ п р ъ .

Днѣпръ бушуетъ. Словно стѣны
Поднимаются валы,
Въ искры брызговъ, въ жемчугъ пѣны
Разбиваясь о скалы.

Днѣпръ бушуетъ, гнѣва полный,
Рвется старый на просторъ,
Глухо ропщутъ, стонутъ волны,
О пороги бьютъ въ упоръ.

Днѣпръ бушуетъ, пѣнить воду,
Рвется, силится пройти:
„Прочь съ дороги! ходу! ходу!
Къ морю вольному пусти!...“

Но широко и высоко
Глыбы темныя стоятъ,
И вросли онѣ глубоко,
И шатнуться не хотятъ.

М. Розенгеймъ.

56. Русскія пѣсни.

Что за пѣсни, что за пѣсни
Распѣваетъ наша Русь!
Ужь какъ хочешь, братъ, хоть тресни,
Такъ не спѣть тебѣ, французъ!

Золотыя, удалыя—
Не нѣмецкія,
Пѣсни русскія, живыя,
Молодецкія!

Какъ затянетъ, какъ зальется
Православный нашъ народъ,
Вѣдь, откуда что берется
Прямо къ сердцу такъ и льется!
Запоетъ про темну ночку,
Иль про бѣлые снѣга,
Про купеческую дочку,
Про шелковые луга;
Запоетъ про сине море,
Иль про матушку-рѣку,
Про кручинушку и горе,
Про сердечную тоску;
Да какъ гаркнетъ: „Эй, малина!
Не шуми, дремучій боръ!“
Чуешь Руси исполина,
И раздолье, и просторъ!...

Русь и въ пѣснѣ то могуча,
Широка, и глубока,
И свободна, и гремуча,
И привольна, и звонка!

Ай—да пѣсни, что за пѣсни
Распѣваетъ наша Русь!
Ужъ какъ хочешь, братъ, хоть тресни,
Такъ не спѣть тебѣ, французъ!
Золотыя, удалыя —
Не нѣмецкія,
Пѣсни русскія, живыя,
Молодецкія!

57. С п о р ь. *)

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шать-горою
Былъ великій споръ.
„Берегись!“ сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шать,
„Покорился человѣку
Ты недаромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ,
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ странный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари—орлы.

*) Это стихотвореніе относится къ покоренію Русскими Кавказа.

Люди хитры! Хоть и трудень
Первый былъ скачокъ,—
Берегитесь! многолюдень
И могучь Востокъ!“
— „Не боюся я Востока!“
Отвѣчалъ Казбекъ:
— „Родъ людской тамъ спить глубоко
Ужъ девятый вѣкъ. —
Посмотри: въ тѣ чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ, у ногъ Иерусалима
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Ниль
Раскаленные ступени
Царственныхъ могиль;
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцевъ.
Все, что доступно оку,
Спитъ, покой цѣня....
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!“ —

„Не хвались еще заранѣ!“
Молвилъ старый Шатъ,
„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братья!“
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверѣ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣннѣ
Смотрить, полный думъ;
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки.
И томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И на вѣкъ затихъ.

Мих. Лермонтовъ.

58. П л ѣ н н ы й.

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ;
Гдѣ миртъ душистый расцвѣтаетъ,
Склоняясь къ ея водамъ;

Гдѣ на горахъ роскошно зрѣеть
Янтарный виноградъ,
Златой лимонъ на солнцѣ рдѣеть,
И яворы шумять,—

Въ часы вечернія пролады,
Любуясь рѣкой,
Стояль, склоня на Рону взгляды
Съ глубокою тоской,
Добыча брани, русскій плѣнный,
Придонскихъ честь сыновъ,
Съ потей побѣды похищенный
Одинъ толпой враговъ.

— „Шуми,“ онъ пѣлъ, „волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плескомъ волнъ роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!
Я въ праздности теряю время,
Душою въ лодствѣ сирь;
Мнѣ жизнь — не жизнь, безъ славы — бремя,
И пусть прекрасный мѣрь.

Весна вокругъ живить природу,
Иснѣтъ солнца свѣтъ,
Все славить счастье и свободу,
Но мнѣ свободы нѣтъ!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мнѣ напоминай
На берегахъ роднаго Дона
Отчизны милый край!

Отдайте-жь мнѣ мою свободу;
Отдайте край отцевъ,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родинѣ мой кровь,
Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
Ахъ! дайте мнѣ коня;
Туда помчитъ онъ быстрымъ бѣгомъ
И день, и ночь меня.

Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы оршай,
Но плескомъ волнъ роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!
О, вѣтры! съ полночи летите
Отъ родины моей!
Вы, звѣзды сѣвера, горите
Изгнаннику свѣтлѣй!“

Такъ пѣль нашъ плѣнникъ одинокій
Въ виду Ліонскихъ стѣнъ,
Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
Назначенъ долгій плѣнъ.
Онъ пѣль — у ногъ сверкала Рона,
Въ ней мѣсяць трепеталъ,
И на золотыхъ верхахъ Ліона
Лучъ солнца догоралъ.

Батюшковъ.

59. Чужбина. (Басня).

„Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
О, милый кустъ! Ты блѣденъ сталъ.
Гдѣ зелень, запахъ твой?“ — „Увы!“ — онъ отвѣчалъ,
„Я на чужбинѣ.“

И. Дмитриевъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

60. Назначеніе жизни.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчить, а сердцу ясно:
Жизнь—для жизни мнѣ дана!

Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ:
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ...
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить —
Вотъ въ чемъ жизни назначенье, —
Вотъ что значить въ Богѣ жить!

Клюшниковъ.

61. Т е р п ѣ н і е.

Постоянно берегись --
Бурно жизни море...
И куда ни оглянись —
Отъ соблазновъ горе.

Всѣхъ богаче, кто терпѣть
Пріучился съ дѣтства:
Въ жизни сей нельзя имѣть
Лучшаго наслѣдства.

Л. Бутовскій.

62. Пѣснь труда.

Солнце встало, кличетъ день,
Гонить прочь ночную тѣнь.
Стало совѣстно лѣнливой,
Зарумянилась зарей
И умчалась торопливо.
А надъ Божьею землей,
Въ ризѣ солнечныхъ лучей,
День выходитъ вельдѣ за ней.
 День чудесный! Свѣтлый день!
 Разгони и сонъ, и лѣнь,
 Озари къ добру пути,
 Намъ работать посвѣти!....
Вотъ проснулся Божій міръ,
Свѣтель, радостень, какъ пиръ,

Ветрепенулся, приумылся
Свѣжей утренней росой
И молитвой огласился;
Все слилось въ молитвѣ той:
Ропоть моря, эхо горь,
Шумъ дубравъ и птичекъ хорь.

 Всякій голосъ, всякій звукъ,
 Пойте дѣло Божьихъ рукъ,
 Величайте безъ конца
 Милосердіе Творца!

Глядь—поглядь, а честный трудъ
На ногахъ ужъ тутъ, какъ—тутъ.
Помолился жарко Богу
И на дѣло ужъ готовъ;
Съ пѣсню вышелъ на дорогу,
Свѣжъ, и веселъ, и здоровъ;
И пошелъ онъ бодръ и смѣлъ,
Чуждый грязи темныхъ дѣлъ.

 Трудъ кормилецъ, мелодецъ,
 Вольной волюшки отецъ!
 Трудъ съ поклономъ не пойдетъ,
 Трудъ не просить,—трудъ беретъ.

Много дѣлъ ему въ пути,
Всюду надобно зайти:
Пособить хозяйкѣ дома,
Накормить старушку мать,
Съ поля хлѣбъ собрать въ закромы,
Къ дѣтямъ въ школу побывать.
Въ службѣ, въ домѣ, въ мастерской,—
Всюду гость онъ дорогой.

 Трудъ, Богъ помочь! Въ добрый часъ!
 Не забудь, кормилецъ насъ.

Намъ съ тобой, честнымъ трудомъ,
Все на свѣтѣ ни почему!....

М. Розенгеймъ.

63. Т р у д ъ.

Дѣти! надобно трудиться:
Богъ насъ создалъ для труда.
Ахъ! отъ праздности родится
Много горя и стыда.

Тотъ, кто хочетъ доброй славы,
Долженъ хлѣбъ свой въ потѣ вѣть;
Не за игры и забавы
Достается людямъ честь.

Дѣти, дѣти! не лѣнитесь!
Трудъ всегда приноситъ плодъ:
Будешь смолоду трудиться —
Встрѣтишь старость безъ заботъ.

Гротъ.

64. Пѣсня трудолюбиваго старика.

Не въ нѣгѣ я родился,
Не въ роскоши я жилъ;
Работалъ — не лѣнился;
Морозъ и зной сносилъ.
Я солнечнаго веходу
Ни разу не проспалъ,

Въ суровую погоду
Укрыться не искалъ.
Сохою раздирая
Загонъ своей земли,
То дрогъ я, промокая,
То весь горѣлъ въ пыли.
Однако въ это время,
Бывъ молодъ и здоровъ,
Не чувствовалъ я бремя
Тѣхъ тягостныхъ трудовъ.
Не требуя излишку,
Довольно собиралъ:
Кормилъ свою семьюшку,
Былъ сытъ и сладко спалъ.

ШИШКОВЪ.

65. Пѣсня о работѣ.

Кто идетъ во глубь земли
Или молотомъ махаетъ,
Кто сѣтями для семьи
Хлѣбъ насущный добываетъ,
Кто за плугомъ леть свой потъ,
Кто наемникъ господина,
Кто подъ ношей спину гнетъ
Для жены своей, для сына:—
Честъ имъ! Слава ихъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота!
Честъ мозолистымъ рукамъ!
Да спорится ихъ работа....

Не забудемъ и о томъ,
Кто безропотно страдаетъ
И, работая умомъ,
Самъ нерѣдко голодаетъ....

Честъ и слава всеѣмъ трудамъ!

Слава каждой каплѣ пота!

Честъ мозолистымъ рукамъ!

Да спорится ихъ работа....

Ө. Миллеръ.

66. М и л о с т ь .

Что можетъ быть тебя святѣе.
О, Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ мѣрѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья
Взирать на прелести твои?

Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ твоихъ очей?
Какой мятежь не укротится
Одной улыбкою твоей?
Речешь—и громы онѣмѣютъ,
Гдѣ ступишь—тамъ цвѣты алѣютъ,
И съ неба льется благодать!

Н. Карамзинъ.

67. Состраданіе къ бѣднымъ.

Когда гуляю лѣтомъ въ полѣ,
Какъ много бѣдныхъ вижу я!
Чѣмъ мнѣ воздать Тебѣ, о Боже,
За все, что сдѣлалъ для меня?

И не достойнѣе другого,
А милосердѣ Ты такъ ко мнѣ!
И сытъ, межъ тѣмъ какъ у иного
Нѣтъ хлѣба и ломтя въ сумѣ.

На улицѣ дѣтей я вижу,
Заброшенныхъ, полунагихъ!
А я одежду и защиту
Всегда имѣю отъ родныхъ.

Иной несчастный и не знаетъ,
Куда склонить ему главу!
Меня же дома ожидаетъ
Постель, въ которой сладко сплю.

Иной ребенокъ безъ надзора, —
И по незнанію грѣшитъ!
Меня же учатъ имя Бога
Въ благоговѣніи твердить.

Вотъ каждый день чѣмъ надѣляется
Всемилюсердый Богъ меня!
Дары Его да прославляетъ
Мольба сердечная моя!

Ө. Тютчевъ.

68. С и р о т к а.

Вечеръ былъ, сверкали звѣзды,
На дворѣ морозъ трещалъ.
Шелъ по улицѣ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ.
„Боже!“ говорилъ малютка,
„Я прозябъ и ѣсть хочу;
Кто-жъ согрѣтъ и накормить,
Боже добрый, сироту?“
Шла дорогой той старушка,
Услыхала сироту,
Приютила и согрѣла,
И поѣсть дала ему,
Положила спать въ постельку.
„Какъ тепло!“ промолвилъ онъ,
Закрывъ глазки, улыбнулся
И заснулъ... Спокойный сонъ!
Богъ и птичку въ полѣ кормить
И кропитъ росой цвѣтокъ,
Безприютнаго сиротку
Не оставитъ также Богъ.

А. Плещеевъ.

69. К о л о с ь.

Я иду цвѣтущей нивой,
Такъ легко, свободно мнѣ...
Съ лаской нѣжной и игривой
Ходитъ вѣтеръ въ тишинѣ.

Жду я тихой, ясной встрѣчи
Съ лучезарною зарей,
Мнѣ таинственныя рѣчи
Шепчетъ колосъ золотой:

„Я расту по волѣ неба,
Наливаясь пополнѣй,
Для довольства и для хлѣба
Бѣдныхъ, страждущихъ людей.

Я расту, бѣды не зная,
На просторѣ полевымъ,
Но придетъ пора святая —
И паду я подъ серпомъ.

Я умру съ уходомъ лѣта,
Только смерть мнѣ не страшна,
Знаю я, что жертва эта
Голодающимъ нужна.

Такъ и ты свои все силы
Для работы собери,
Не боясь сырой могилы,
И за ближнихъ ты умри!...“

Я постигъ волшебный голосъ
И восторгъ меня объялъ,
Понялъ я, что этотъ колосъ
Слово истины сказать.

И готовъ я вѣкъ трудиться,
Вѣкъ бороться и терпѣть,
Чтобъ за благо ближнихъ биться
И за нихъ же умереть.

Левъ Медвѣдевъ.

70. Счастливецъ.

Какъ тотъ счастливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ,
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ.

Кто Царями награжденъ,
Саномъ знатнымъ отличенъ
За достоинство прямое, —
Въ томъ не счастье слѣпое,
Но заслуги люди чтутъ.

Кто не только на войнѣ,
Но и въ мирной тишинѣ
Былъ согражданамъ полезенъ —
Тотъ Отечеству любезенъ,
Тотъ есть вѣрный патріотъ.

Кто предъ трономъ въ духѣ твердъ,
Передъ низшими не гордъ,
Съ равнымъ искренне дружится
И коварныхъ не страшится --
Тотъ достоинъ всѣхъ похвалъ.

Кто среди заботъ и дѣлъ
Для семейства жить умѣль;
Быть счастливѣйшимъ супругомъ
Для дѣтей отцемъ и другомъ --
Тотъ чувствительнымъ рожденъ.

Н. Карамзинъ.

71. С ѣ я т е л ю .

Зародыши добра и мысли благородной
На пивѣ дѣвственной, на пивѣ плодородной,
На пажити святой, на пажити народной
Со всеѣмъ стараньемъ сѣй!

И подарить зерно потомъ благіе всходы,
Исчезнуть бѣдствія и пролетать невзгоды,
Хоть медленно идутъ желанные тѣ годы
Для родины твоей!

Но подойдетъ пора, потомъ наступитъ время --
Сторицей возрастетъ посѣянное сѣмя
И сохранить его родное наше племя
На вѣкъ въ груди своей!

И тихо ты умрешь забытый, неизвѣстный,
И бросишь этотъ міръ обманчивый и тѣсный,
Но вѣрь, что заронишь порывъ благой и честный
Въ душѣ другихъ людей!

Левъ Медвѣдевъ.

72. П о э т ь.

А ты, поэтъ, избранникъ неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ,
Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!
Не вѣрь, чтобъ вовсе пали люди:
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! служба искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви!
И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставять не хлопочи:
Въ твоёмъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ животворные лучи.
Взгляни: въ осколки твердый камень
Убогій труженикъ дробить,
А изъ-подъ молота летитъ
И брызжетъ самъ собою пламень!

Н. Некрасовъ.

73. М а т ь.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Миѣ жаль не друга, не жены,
Миѣ жаль не самого героя...

Увы! утѣшится жена,
И друга лучший другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!

Однѣ я слезы подсмотрѣлъ,
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей....

Н. Некрасовъ.

74. Молитва матери.

Тишь въ селѣ нѣмая —
Людь крестьянскій спить....
Только въ крайней хаткѣ
Огонекъ горить.

Предъ святой иконой,
Ницъ упавъ лицомъ,
Молитея старушка
О сынкѣ родномъ,—

О кудрявомъ Васѣ,
Что въ чужомъ краю
Льетъ за Божью вѣру
Въ битвахъ кровь свою!

Крестится старушка,
На полъ слезы леть....
Эта-ли молитва
Къ Богу не дойдетъ?

А. Кругловъ.

75. В л а с ь .

Въ армякъ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой
Медленно проходить городомъ
Дядя Власть — старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Просить онъ на Божій храмъ,
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекъ глубокий шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
Палка длинная въ рукъ....
Говорять, великимъ грѣшникомъ
Быть онъ прежде. Въ мужикъ

Бога не было: побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;

У всего соседства бѣднаго
Скупить хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣрить гроша мѣднаго,
Втрое съ ницаго сдереть!

Бралъ съ роднаго, бралъ съ убогаго,
Слыль кащеємъ-мужикомъ;
Права былъ крутаго, строгаго....
Наконецъ, и грянулъ громъ!

Власу худо; кличетъ знахаря—
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Бралъ у нищаго суму?

Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ — а Власъ лежитъ,
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжить.

Говорять, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣль свѣта преставленіе,
Видѣль грѣшниковъ въ аду.

Власъ увидѣль тьму кромѣшную
И послѣдній даль обѣтъ....
Вняль Господь — и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Раздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И собирать на построеніе
Храма Божьяго пошоль.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,—

Подаяніемъ нитается, —
Строго держать свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была ...

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходить онъ стогой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Словомъ истины Евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберется и въ Рязань....

Ходить съ образомъ и книгою,
Самъ съ собой все говорить
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенить.

Ходить въ зимушку студеную,
Ходить въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары. —

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной...

Н. Некрасовъ.

76. Л Ъ Н Ъ.

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, поднимись,
На себя погляди:
Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ—по травѣ
Хоть шаромъ покатись.

Изъ клѣтѣй—домовой
Соръ метлою посмелъ
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери вездѣ
Растворяли ему,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь—подъ окномъ
Ты съ бѣдою сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ некошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точить зерно,
Птица клюетъ его!

А. Кольцовъ.

77. С п е с ь .

Ходить Спесь, надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спесь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ въ цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ бы Спесь къ отцу, къ матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился бы Спесь въ церкви Божіей,
Да полъ неместень!

Идетъ Спесь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спесь въ другую сторону:
Непригоже-де мнѣ нагибаться!

Графъ А. К. Толстой.

78. Дерево. (басня).

Стояло дерево въ долину,
И, на судьбу свою пеняя, говоритъ:
Зачѣмъ оно не на вершинѣ
Какой нибудь горы стоитъ;
И то-жъ, да то-жъ все Зевесу докучаетъ.
Зевесъ, которымъ все на свѣтѣ управляетъ,
Неудовольствіе отъ дерева принимаетъ
И говоритъ ему:
„Добро, переменю твое я состоянье,
Ко угожденію твоему,—“
И далъ Вулкану приказанье
Долину въ гору переменить.
И такъ, подъ деревомъ горою мѣсто стало.
Довольнымъ дерево тогда казалось быть,
Что на горѣ стояло.
Вдругъ на лѣса Зевесъ за что-то гнѣвъ сталь
И въ гнѣвѣ приказаль
Все въ вѣтрамъ на лѣса пуститься.
Ужъ дѣйствуетъ свирѣпо вѣтровъ власть:
Колѣблются лѣса, листы столпомъ крутятся,
Деревья ломаются, валяются,
Все чувствуетъ свою погибель и напасть;
И дерево теперь, стоявши на вершинѣ,
Тренещетъ о своей судьбинѣ.

„Счастливы,“ говоритъ,
„Деревья тѣ, которыя въ долинѣ:
Имъ буря столько не вредитъ.“
И только это лишь сказало,
Изъ корня вырвано, упало.

Мнѣ кажется, легко изъ басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ стоять.

И. Хемницеръ.

79. Конь верховый. (Басня).

Верховый гордый конь, увидя клячу въ полѣ
Въ работѣ за сохой
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ, и не въ холѣ,
Какую гордый конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на клячу посмотрѣлъ.
Предъ клячею крестьянскою бодрился
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ, и сѣмъ хвалился.
„Что,“ говоритъ онъ клячѣ той:
„Бываль ли на тебѣ уборъ когда такой,
Каковъ уборъ ты видишь мой?
И знаешь-ли, меня какъ всякій почитаетъ?
Всякъ, кто мнѣ встрѣтится, дорогу уступаетъ;
Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякій похваляетъ.
Тебя же кто на свѣтѣ знаетъ?“
Несносна клячѣ спесь коня:
„Пошелъ, хвастунъ!“ ему на это отвѣчаетъ,
„Оставь въ покоѣ ты меня.

Тебѣ-ль со мной считаться
И мною насмѣхаться?
Не такъ бы хвастать ты умѣль,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ.“

И. Хемницеръ.

80. Лошадь и осель. (басня).

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Добромъ же служить намъ самимъ,
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ,
И лошадь шла порожнякомъ,
А на ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совѣмъ подъ нею задавило.
„Нѣтъ мочи,“ говоритъ, „я право упаду,
До мѣста не дойду.“

И просить лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженъе,
Хоть часть поклажи снять съ него.
„Тебѣ не стоитъ ничего,
А мнѣ-бъ ты сдѣлала большое облегченъе,“
Онъ лошади сказалъ.
— „Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!“
Сказала лошадь, отказалась.

Осель потуда шелъ, пока подъ ношей палъ.
И лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее одна
Съ ослиной кожей несть была принуждена.

И. Хемницеръ.

81. Лягушка и волъ. (басня).

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться,
Она завистлива была,
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
„Смотри-ка, квакушка, что буду-ль я съ него?“
Подругѣ говорить. — „Нѣтъ, кумушка, далеко!“ —
„Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?“ — „Почти-что ничего.“ —
„Ну, какъ теперь?“ — „Все то-жь.“ — Пыхтѣла, да
пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнившись съ воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла....

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

И. Крыловъ.

82. Собачья дружба. (басня).

У кухни подь окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣ-
лись,
Хоть у воротъ передь дворомъ
Пристойнѣ-бъ стеречь имъ было домъ;

Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые-жъ псы притомъ
Ни на кого не лають днемъ —
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ; объ ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и наконецъ о дружбѣ.
„Что можетъ,“ говоритъ Полканъ, „приятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И наконецъ въ глаза глядѣть другъ другу.
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружномъ счастьѣ все свое блаженство ста-
вить!

Вотъ если-бъ, на примѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:

Скажу я смѣло,

Мы-бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло.“

— „А что же? Это дѣло!“ —

Барбосъ отвѣтствуетъ ему:

— „Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,

Что, бывши одного двора съ тобой собаки,

Мы дня не проживемъ безъ драки.

И изъ чего? Спасибо господамъ:

Ни голодно, ни тѣсно намъ!

Притомъ же, право, стыдно:

Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ
дней,

А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно.“ —

„Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,“
Вскричалъ Полканъ, „дай лапу!“ — „Вотъ она!“

И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться,

Не знаютъ съ радости къ кому и приравняться.
„Орестъ мой!“ — „Мой Пиладь! *) Прочь свары,
зависть, злость!“ —

Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:

Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?

Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся;

Лишь только ключья вверхъ летятъ:

Насилу наконецъ ихъ разлили водою.

Свѣтъ полною дружбою такою.

Про нынѣшнихъ друзей лъзя молвить, не грѣша,

Что въ дружбѣ все они едва-ль не одинаки:

Послушать — кажется, одна у нихъ душа;

А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

И. Крыловъ.

83. Стрекоза и муравей. (басня).

Попрыгунья стрекоза

Лѣто красное проѣла;

Оглянуться не успѣла,

Какъ зима катитъ въ глаза.

Помертвѣло чисто поле;

Нѣтъ ужъ дней тѣхъ чистыхъ болѣ,

*) Орестъ и Пиладь въ древности были известны своею дружбою.

Какъ подь каждымъ ей листкомъ
Быль готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодь настаетъ;
Стрекоза ужъ не поеть:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползеть она:
„Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!“
— „Кумушка! мнѣ странно это:
Да работала-ль ты въ лѣто?...“
Говорить ей муравей.
„До того-ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову векружило.“
— „А, такъ ты“.... — „Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.“
— „Ты все пѣла? Это дѣло:
Такъ пойдн же попляши!“ —

И. Крыловъ.

84. Свинья подь дубомъ.

Свинья подь дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей до сыта, до отвала;
Наѣвшись, высналась подь нимъ;

Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
„Вѣдь, это дереву вредить,“
Ей съ дуба воронъ говорить:
„Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.“
— „Пусть сохнетъ,“ говоритъ свинья:
„Ничуть меня то не тревожить;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были-бъ желуди; вѣдь, я отъ нихъ жирѣю.“ —
„Неблагодарная!“ промолвилъ дубъ ей тутъ:
„Когда-бы вверхъ поднять могла ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти желуди на мнѣ растутъ.“ —

Невѣжа также въ ослѣпленѣ
Бранить науки и ученье,
И все ученыя труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

И. Крыловъ.

85. М у х а. (басня).

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,
А муха у него сидѣла на рогахъ,
И муху же они дорогой пострѣчали.
„Откуда ты, сестра?“ отъ этой былъ вопросъ.
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: „Откуда? мы пахали!“

И. Дмитріевъ.

86. Воробьи и овсянка. (Басня).

Накрывши сѣтью воробьевъ,
Мужикъ имъ говоритъ: „вотъ я васъ, всѣхъ воровъ!
Вы на поле мое летали,
Горохъ клевали,
Недолго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону:
Всѣмъ головы сверну,
И въ кашницу... Да ты, овсянка, какъ попала?“
Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала:
— „Послушай, мужичекъ, всю истину скажу:
Я съ ними только лишь летала,
А, право, твоего гороха не клевала.
Пусти меня! ничѣмъ тебѣ я не врежу;
Ужъ-ли поступишь такъ со мною, какъ съ воробьями?“ —
„Да, не послушаю, конечно, и тебя!
Пеняй сама ты на себя:
Зачѣмъ была съ плутами?“

Измайловъ.

87. Кукушка. (Басня).

„Послушайте меня, я не совру!“
Кукушка говорила птицамъ:
Чижамъ, щеглятамъ и синицамъ,
„Была я далеко, въ большомъ, густомъ бору;
Тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала,
Какъ соловей поетъ. Ужъ не по нашему!
Я хорошо пѣвала, да все не то...“

Такъ сердце и замреть отъ радости,
Когда во весь онъ голосъ свистнетъ,
А тамъ защелкаетъ, иль тихо пустить трель.
Забудешься совсѣмъ и голова повиснетъ.
Ну, что противъ него свирель!
Дивилась, право, я дивилась....
Однако же не погаю,
По соловьиному и я пѣть научилась.
Для васъ, извольте, пропою.... Хотите?“
— „Пропой, послушаемъ.“ —
„Чуръ, не шумѣть, молчите!
Вотъ выше сяду на суку.
Ну, слушайте-жъ теперь:
Куку! куку! куку!“

Измайловъ.

88. Крестьянинъ и лисица. (басня).

„Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Куръ красть?“
Крестьянинъ говорилъ лисицѣ, встрѣтясь съ нею.
„Я, право, о тебѣ жалѣю!
Послушай, мы теперь вдвоемъ,
Я правду всю скажу: вѣдь, въ ремеслѣ твоємъ
Ни на волосъ добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грѣхъ, и стыдно,
И что бранить тебя весь свѣтъ;
Да дня такого нѣтъ,
Чтобы не боялась ты за ужинъ иль обѣдъ
Въ курятникѣ оставить шкуры!
Ну, стоятъ ли того все кури?...“

— „Кому такая жизнь сносна!“ —

Лисица отвѣчаетъ,

— „Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,

Что даже мнѣ и пища не вкусна.

Когда-бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!

Да что же дѣлать? Нужда, дѣти....

Притомъ же иногда, голубчикъ—кумь,

И то приходитъ въ умъ,

Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ?

Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ.“ —

„Ну, что-жь?“

Крестянинъ говоритъ, „коль вправду ты не лжешь,

И отъ грѣха тебя избавлю

И честный хлѣбъ тебѣ доставлю;

Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять:

Кому, какъ не лисѣ, всѣ лисы плутни знать?

За то ни въ чемъ не будешь ты нуждаться

И станешь у меня, какъ въ маслѣ сыръ, кататься.“

Торгъ слаженъ; и съ того же часа

Вступила въ карауль лиса.

Пошло у мужика житье лисѣ привольно:

Мужикъ богатъ, всего лисѣ довольно.

Лисица стала и сытѣй,

Лисица стала и жирнѣй,

Но все не сдѣлалась честнѣй:

Некраденый кусокъ пріѣлся скоро ей.

И кумушка тѣмъ службу повершила,

Что, выбравъ ночку потемнѣй,

У куманька всѣхъ куръ передушила.

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть миллионъ —
Онъ воровать не перестанетъ.

И. Крыловъ.

89. Заяцъ на ловлѣ. (басня).

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ уложили —
И дѣлять межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ.
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
„Ба! ты, косою!“
Кричать ему „пожаловаль отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ.“
— „Вотъ, братцы,“ заяцъ отвѣчалъ,
— „Да изъ лѣсу-то кто-жь? все я его пугалъ
И вамъ доставиль прямо въ поле
Сердечнаго дружка.“ —
Такое хвастовство хотъ слишкомъ было лвно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

И. Крыловъ.

О Т Д Ъ Л Ъ П Я Т Ы Й.

90. Сельская жизнь.

Блаженъ, кто мирно обитаетъ
Въ завѣтномъ прадѣдовъ селѣ
И отъ проѣзжихъ только знаетъ
О бѣлокаменной Москвѣ.

Не вдаль стремится онъ мечтою,
Не къ морю мысль его летитъ,
Доволенъ рѣчкой небольшою:
Она свѣтла, она шумитъ.

Не измѣняясь въ тихой долѣ,
Благословляя Небеса,
Онъ все на то же смотреть поле,
На тѣ же нивы и лѣса.

Онъ сердцемъ чистъ, онъ правъ душою;
Безъ думъ высокихъ онъ умѣлъ
Одной вседневной добротою
Украсить бѣдный свой удѣлъ.

Ему страстей волненья чужды,
Не прерванъ ими сладкій сонъ,
Живетъ безъ прихотей, безъ нужды,
И черныхъ дней не знаетъ онъ.

Вотъ домъ уютный межъ холмами,
Въ тѣни березъ вотъ Божій храмъ,

И вотъ погость съ его крестами,
Гдѣ межъ родныхъ онъ ляжетъ самъ.

И живъ священникъ тотъ безвѣстный,
Который здѣсь его крестилъ,
Вѣнцомъ съ подругою прелестной
На радость жить благословилъ.

И радость съ ними... и всечасно
Она ему милѣй, милѣй,
И жизнь онъ тратитъ не напрасно
Въ земномъ раю семьи своей.

Привычка наслажденій мирныхъ,
Веселія заботы дня,
Забавный страхъ рассказовъ дивныхъ
Кругомъ вечерняго огня.

О, вы, обычаи святые!
Любовь домашняго быту!
Отрады ваши золотыя
Лелѣютъ жизни суету.

Преданья прежняго, роднаго
Душѣ плѣнительно хранить,
Влаженства сердцу нѣтъ другаго,
Какъ жить однимъ, одно любить!

И. Козловъ.

91. Д е р е в н я .

Милыя сердцу картины
Нѣжатъ привѣтливо глазъ:
Пашни, поля и равнины—
Что твой зеленый атласъ!
 Лугъ запестрѣлъ весь цвѣтами;
 Ржи колосятся, овсы;
 Травка поспѣла мѣстами,
 Ждетъ уже острой косы.

Рожь-то какая густая,
И высока, и ровна!
Катится, съ вѣтрами играя,
Словно морская волна....

 Въ полѣ пасется лошадка;
 Тутъ же распряженный возъ;
 Спать межъ колесами сладко
 Трое крестьянъ улеглось.

Съ зорьки трудились въ полѣ
Вплоть до обѣда они.
Спинушку ломить отъ боли
Въ эти тяжелые дни.

 Послѣ работы кинучей
 Дышится вольно, легко....
 Сонъ богатырскій, могучій
 Ихъ оковалъ глубоко.

Спите-же сладко, родные,
Средь полевой тишины....
Пусть за труды вамъ дневные
Снятся отрадные сны!

Н. Стружкинъ.

92. П а ш н я.

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ другъ съ тобою
Слуга и хозяинъ!

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю.

Ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернушку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоить, векормить
Мать-земля сырая,
Выйдетъ въ полѣ травка.
Ну, тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка,
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну, тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водою ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю.
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

А. Кольцовъ.

93. У р о ж а й.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется;
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горь;
Напустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась, —
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину....

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во все стороны
Свѣта бѣлаго....

Ополчается
Громомъ, бурей,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилась —
И расширилась,
И ударила,
И пролилась
Слезою крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко,
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;

Люди сельскіе
Божіей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою, —

За—одно съ весною
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали,
Богу—Господу
Помолилися,
Чѣмъ—свѣтъ по полю
Всѣ разѣхались
И пошли гулять
Другъ за дружкой,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать....

Посмотрю — пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлеть колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ — лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается....

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко, —
Жатва кончена,
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

94. Г р о з а.

Пятая недѣля нѣтъ дождя ни капли.
Высохло болото, отлетѣли цапли,

Голову понуря, истомленный зноемъ,
Скотъ и звѣрь далеко въ лѣсъ уходить съ воємъ.

На небѣ ни тучки. Но кой гдѣ порою
Дымъ лѣсныхъ пожаровъ всходитъ полосою,

Въ воздухѣ палящемъ слышенъ запахъ гари—
Душно человѣку, душно всякой твари!

Нивы пересохли, парить, что изъ печи.
Тужить людъ крещеный, ставить въ церкви свѣчи,

Вкругъ посѣвовъ тощихъ ходитъ крестнымъ ходомъ.
Ну, и Богъ услышалъ, сжалясь надъ народомъ.

Вотъ и потянуло, будто, къ переменѣ.
Вечеромъ—въ ту пору, какъ ложились тѣни

И склоняться началъ солнца обликъ жгучій,
Съ юга потянулись вереницей тучи;

Небо голубое сдѣлалось свинцовымъ,
Солнце закатилось въ заревѣ багровомъ,

Съ крикомъ надъ полями вьется галокъ стая.
Вотъ и ночь упала—душная такая!

Воздухъ неподвиженъ, но порой по нивамъ
Вѣтеръ вдругъ прорвется бѣшенымъ порывомъ,

Пролетить, промчится, слѣдомъ землю роетъ,
Пыль клубить столбами, и визжитъ, и воетъ;

Съ свистомъ, какъ разбойникъ, въ старый боръ
ворвется:
Заскринить дремучій, дрогнетъ, пошатнется;

Ропотно листьями зашумитъ дуброва,
Жалобно и глухо, и замолкнетъ снова.

Мѣсяцъ мѣдно-красный въ темной тучѣ тонетъ,
Озеро лѣсное мечется и стонетъ.

Видно, какъ собираетъ силы непогода;
Въ тягостной истомѣ бури ждетъ природа

И въ тоскливомъ страхѣ близкаго страданья
Словно замерла вся, притаивъ дыханье.

Вдругъ по небу пламя прорвалось столбомъ
И черныя тучи зардѣлись огнемъ;
Какъ будто, все небо вдругъ обнялъ пожаръ
И съ ропотомъ страшнымъ громовой ударъ
Потрясъ всю окрестность. И лѣсъ вѣковой
Шатнулея, пригнулея кудрявой главой,
И все затрещало, завыло кругомъ,
И ливень ударилъ потопнымъ дождемъ,
И гулко застучала по почвѣ сухой,
Сливая свой грохотъ съ ревущей грозой.

Долго непогода бѣшено ярилась,
Только къ полуночи злая уходилась....

Исподволь слабѣя, улегалась, никла,
Къ утру напоследокъ и совѣмъ затихла.

Вѣтерокъ разсвѣтный съ неба предъ зарею
Тучки отсталыя смѣль — и надъ землею

Солнышко, какъ ангель въ ризѣ золотистой,
Всплыло величаво средь лазури чистой.

Подъ лучемъ веселымъ ожило все разомъ:
Въ капляхъ лѣсъ зеленый засверкалъ алмазомъ,

Золотой волною по вѣтру красиво
Въ чудныхъ переливахъ колыхалась нива,

Лугъ, еще недавно зноемъ опаленный,
Ожилъ, благодатной влагой напоенный,

Словно разноцвѣтно-яркими коврами,
Зеленю одѣлся, запестрѣлъ цвѣтами.

Кажется, ликуя, вся-то мать природа
Собралася праздникъ править для народа.

И народъ крещеный въ радости великой
Молится на небо: „Слава Тѣ, Владыко!

Засуха-то, было, насъ совѣмъ заѣла,
Да спасибо Спасу, — все поправилъ дѣло.

Ну, не безъ изъяна: кое что свалило,
Значить то, что было хило, либо гнило.

А за то кругомъ-то вотъ она какал
Изъ земли поперла сила матерая!...“

М. Розенгеймъ.

95. Молитва о дождѣ.

Мать любезная, природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

Все томится, унываетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнетъ травка и цвѣтокъ—
Нѣжный ландышъ, василёкъ
Пылью сѣрою покрыты—
Не питаетъ ихъ роса....
Дѣти матерью забыты!

Солнце жжетъ, палитъ лѣса.
Птички въ рощахъ замолчали;
Ищутъ только холодка.
Ручейки журчатъ перестали,
Истощилася рѣка.
Агнецъ пици не находятъ:
Черенъ холмъ и черенъ доль.
Конь въ степи печально бродитъ,
Тощъ и слабъ ревущій волъ.

Мать любезная, природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

Ахъ! доселѣ ты внимала
Крику слабаго птенца
И въ печаляхъ утѣшала
Наши томныя сердца.
Неужель теперь забудешь
Въ нуждѣ, въ скорби чадъ своихъ?
Неужель теперь не будешь
Нѣжной матерью для нихъ?
Нѣтъ, тобою оживятся
Наши мертвыя поля,
Вновь украсится земля,
Пѣсни въ рощи возвратятся.
Благодарный ѳиміамъ
Воскурится къ небесамъ!

Н. Карамзинъ.

96. Лѣтній дождь.

„Золото, золото падаетъ съ неба!“
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— „Полно-те, дѣти! его мы сберемъ...
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба.“ —

А. Майковъ.

97. Покровители народа.

Въ ведренный, ясный денекъ, до зари
На ниву пришли косари;
Перекрестились, взяли за работу;
До ночи ржи накосили безъ счету
И, посмотрѣвши на хлѣба ряды,
Разговорились, окончивъ труды:
„Слава Создателю! рожь то какая!
Чистая, ровная, сплошь вся густая....
Ну, да и колосъ задался хорошъ....
Четверть съ копны дастъ кормилица-рожь!
Года съ три маялись мы недородомъ,—
Ну, да поправимся нынѣшнимъ годомъ!“
И съ облегченной, покойной душой
Шли косари потихоньку домой.

— „Что спозаранку бахвалиться стали?“
Тучи имъ гнѣвно съ небесъ закричали,
— „О барышахъ говори, какъ зерно
Съ поля свезешь ты уже на гумно;
Да коль по времени сможешь сухому
Въ скирды сложить не гнилую солому.
Ну, а до тѣхъ поръ, голубчикъ, шалишь,
Вотъ мы сей часъ вамъ покажемъ барышъ!“
Тучи, собравшись массой сплошною,
Мрачно, зловѣще ползли надъ землею;
Какъ изъ ведра дождь полилъ во всю мочь
И безпрерывно шелъ цѣлую ночь.
Рожь вся въ рядахъ перемокла, сваялась;
Глянулъ косарь—и все сердце въ немъ сжалось....

Дождикъ отъ злобы смѣялся до слезъ —
Радъ, что крестьянамъ подпортилъ покось....

„Врешь!“ закричалъ ему вѣтеръ сердито.
„Все это по́томъ, трудами добыто;
Не допущу, чтобъ испортить ты могъ,
Что мужичекъ пуще глаза берегъ.
Я потягаюсь съ тобою, мой милый!“
Тутъ съ исполинской, могучею силою
Вѣтеръ принялся летать по полямъ....
Низко склоняясь къ подмокшимъ рядамъ
И, дуновеньемъ сгоняя съ нихъ влагу,
Въ полѣ устроилъ онъ сильную тягу;
Каждый любовно обдулъ онъ стебелекъ,
Каждый насквозь обсушилъ колосокъ.

Видя, что вѣтеръ съ такою заботой
Хочетъ исправить своею работою
Сильнымъ дождемъ причиненное зло,
Солнышко глянуло съ неба свѣтло
И принялось въ тотъ же мигъ со стараньемъ
Землю лобзать своимъ яркимъ сіяньемъ.
Съ вѣтромъ трудившись день цѣлый, къ ночи
Хлѣбъ поисправили солнца лучи....
Сдѣлалось сухо вездѣ на полянѣ.
Рожь всю сухую свезли поселяне,
Возликовали, что волей судебъ
Чуть не погибъ ими вехоленный хлѣбъ,
И говорили за ясные дни
Солнышку съ вѣтромъ спасибо они.

Н. Стружкинъ.

98. Пѣсня земледѣльца.

Вейся, жаворонокъ звонкій,
Вейся и кружись
Надъ моей родимой нивой,
Пой и веселись!
Пой хвалу, малютка-птичка,
Богу въ вышинѣ,
Что далъ жизнь и безмятежность
И тебѣ, и мнѣ!
Славь его за всѣ щедроты,
Что онъ ниспослалъ,
За тотъ дождь изъ теплой тучи,
Что съ зарей упалъ.
Умолай Его смиренно,
Чтобы благодать
Озаряла ежедневно
Нашу землю-мать!
Пусть хранить Онъ нашу ниву
Отъ вѣтровъ и тучъ,
Пусть росу ниспосылаетъ
И горячій лучъ!
Пой, молись! а я поѣю
Спѣлое зерно,
Завало его землею
И взойдетъ оно.

Изъ Духневича въ переводѣ Н. Гербея.

99. С ъ н о к о с ь .

Сіяль безоблаченъ сводъ неба голубой,
На полдень солнце становилось.
Ни звуковъ, ни рѣчей: палить и пышить зной,
Все, будто, спить, иль притаилось.
Жара и тишина! Манить издалека
Безмолвный лѣсъ прохладной тѣнью;
Катилаь медленно лѣнивая рѣка,
Послушна вѣчному стремленью!
Крутаго берега бѣлѣется отвѣсь,
Водами вешними обмытый.
На немъ село; за нимъ подалѣ виденъ лѣсъ;
Внизу копытами изрытый
Песокъ; вверхъ отъ рѣки ползуть на косогорѣ
Дорожекъ узкіе извивы,
А тамъ отлогій скать, за нимъ лежитъ просторъ,
И все луга, луга, да нивы!...

—
Благопріятный день! Крестьяне дорожатъ
Таковыми днями сѣнокоса.
И ни души въ селѣ! разбросаны лежатъ
Телѣги, снятыя колеса,
Да по плетню кой-гдѣ развѣшено бѣлье,
Подъ нимъ разостланы полотна.
Но тихо все кругомъ, и всякое жильє
Глядитъ такъ сонно, такъ дремотно!
Томить безвѣтріє. Лучъ солнца на песокъ
Такъ горячо, такъ ярко блещетъ....
Лишь изрѣдка порой послышится въ рѣкѣ,
Какъ будто кто, кунаясь, плещетъ!...

Запѣлъ пѣтухъ, другой. Окрестныхъ деревень
Поочередно, другъ за другомъ,
Пронѣли пѣвуны. На половинѣ день,
Пора труды смянуть досугомъ!...

Да вотъ они! Изъ-за холмовъ
Несутся глухо гуль и ропотъ,
И слышенъ въ полѣ дружный шопотъ
Подъ ладъ ступающихъ шаговъ.
Домой косцы спѣшать соборомъ
И, пѣсню подхвативши хоромъ,
Поютъ:

„Ивушка, ивушка, зеленая моя,
Что же ты, ивушка, не зелено стоишь?
Или те, ивушка, солнышкомъ печеть?
Солнышкомъ печеть, частымъ дождичкомъ
еѣчетъ,
Подъ корешокъ ключева вода течеть!...“

Тянулся долго звукъ послѣднй
И стихъ. Слышнѣе голоса
И говоръ стали; вотъ коса
Сверкнула вдругъ изъ-за сосѣдней
Опущки лѣса; двѣ.... три.... пять....
Всѣ.... пѣсня грянула опять!

„Бѣхали бояре изъ Нова-города;
Срубили ивушку подъ самый корешокъ,
Стали они ивушку потесывать,
Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку;
Сѣли въ лодочку, поѣхали домой“....

Слетѣла съ шумомъ стая птицъ;
Все ожило. Косцы отрядомъ
Идутъ; съ ихъ загорѣлыхъ лицъ
Обильный потъ катится градомъ....
Но вотъ, у самого села
Вдругъ пѣсня дружно замерла.
Кричатъ мальчишки: „наши, вотъ!“
Собачій лай, скрипятъ ворота,
И всякъ торопится домой
Къ избѣ утопанной тропой!

И. Аксаковъ.

100. С ѣ н о к о с ь .

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами....
Пѣсней душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ сухое убираютъ;
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ....
Возъ растеть, растеть, какъ домъ.
Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ:
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спить.
Только Жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая въ поныхахъ.

А. Майковъ.

101. Овсяный кисель.

Дѣти! овсяный кисель на столѣ, читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку
не соваться;
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе
благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье! Господь васъ
помилуй!
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь Богъ сказалъ: „пойди домой, не
заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и
созрѣетъ.“
Слушайте-жь, дѣти! Въ каждомъ зернышкѣ тихо и
смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго онъ,
долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣсть, и не пьетъ, и
не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его положить и въ ней не со-
грѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздкѣ, и малюткѣ тепло
подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосеть,
какъ младенецъ,
Сокъ изъ роднаго зерна, и растеть, и невидимо
зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ про-
буравилъ;
Ростетъ въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и на-
ходить.

Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ...
„Какъ бы провѣдать,
Что тамъ на бѣломъ свѣтѣ творится?...“ Тайкомъ,
боязливо
Взглянулъ онъ изъ земли... Ахъ, Царь мой Небе-
сный! какъ любо!
Смотришь: Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему
съ неба:
„Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здрав-
ствуй.“
Пьетъ онъ.... ахъ! какъ же малюточкѣ сладко,
свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умы-
лось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по
небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на
землю,
Словно, какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ
улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что все корешки молодые взы-
грали.
„Доброе солнышко, даромъ что вельможа, а вся-
кому — ласка!“
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точить облако дожде-
вое.
Смотришь: померкло; вдругъ каплетъ; вдругъ по-
лилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; по подулъ вѣтерокъ —
онъ обоохнулъ.
„Нѣтъ, говорить онъ, теперь ужъ подъ землю меня
не заманять.“

Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь: пусть
будетъ, что будетъ!“

Кушайте, свѣты мои, на здоровье! Господь васъ
помилуй!

Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и метель на горахъ, и градъ съ гололеди-
цей въ полѣ.

Ахъ, мой бѣдный зародышекъ! какъ же онъ зяб-
нетъ! какъ ноетъ!

Что съ нимъ будетъ? земля заперлась, и негдѣ
взять пищи.

„Гдѣ же,“ онъ думаетъ, „красное солнышко? что
не выходитъ?“

Иль боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко? дома
Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ
подъ землею.“

Дѣтушки! такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ до-
ведется

Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ
добывая

Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ
одинокой печали:

„Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за
печкой“....

Богъ васъ утѣшитъ, друзья! Всему есть конецъ;
веселѣе

Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ
лений день майскій

Свѣжесть повѣяла.... солнышко яркое на горы вы-
шло,

Смотрить: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и
крошку цѣлуешь.

Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не
помнить.

Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ
полѣ

Гуще становятся рожь, и ячмень, и пшеница, и
просо.

Наша былиночка думаетъ: „я назади не останусь!“
Кстати-ль! листки распустила.... Кто такъ пре-
красно соткалъ ихъ?

Вотъ стебелекъ показался.... кто изъ жилочки въ
жилку

Чистую влагу провель отъ корня до маковки соч-
ной?

Вотъ проглянулся, налился и качается въ воздухѣ
колосъ ...

Добрые люди! скажите: кто такъ искусно развѣ-
силъ

Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелко-
выхъ нитяхъ?

Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ бы-
линкѣ

По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной
летаютъ.

Вотъ ужъ и цвѣтомъ нашъ нѣжный, зыбучій ко-
лосикъ осыпанъ;

Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ
вѣнчальномъ.

Вотъ налилось и зерно, и тихохонько зрѣетъ; бы-
линка

Шепчетъ, качая въ раздумьѣ головкой: „я знаю,
что будетъ.“
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую по-
здравить,
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: мно-
гія лѣта!
Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позас-
нутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ освѣ-
тить ей въ потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здорье! Господь васъ
помилуй!
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно
скосили;
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталось
сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу,
и просо:
Ужъ и на жниво собирать босикомъ ребятишки
сходились
Колося оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ и
мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ давно попол-
нѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ:
„полно,
Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оста-
ваться
Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣ-
пой и свеклой?“
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и
Дуняша.

Ужъ и морозъ покусаль имъ утромъ и вечеромъ
пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ мо-
лотили
Съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на
ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ
тяжелымъ;
Началь жерновъ молоть, и зернушки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечекъ; сварила кисель, чтобы дѣтуш-
камъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

В. Жуковскій.

102. З и м а.

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица — душа,
Вѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка зима!
Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебрянной парчи,
На тебѣ горять алмазы,
Словно яркіе лучи!
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша добрая забава,
Молодецкая зима!

Князь Вяземскій.

103. З и м а .

Вотъ ужъ лѣто прошло.
Вотъ ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошить,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ крестьяне на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

А. Кольцовъ.

104. З и м а .

Бѣлый снѣгъ пушистый
Въ воздухѣ кружится
И на землю тихо
Падаетъ, ложится.

И подь утро снѣгомъ
Поле заблѣло,
Точно пеленою
Все его одѣло.

Темный лѣсъ что шапкой
Принакрылся чудной
И заснулъ подь нею
Крѣпко, непробудно....

Божьи дни коротки,
Солнце свѣтитъ мало....
Вотъ пришли морозцы—
И зима настала.

Труженикъ — крестьянинъ
Вытащилъ санишки;
Снѣговья горы
Строятъ ребятишки.

Ужъ давно крестьянинъ
Ждалъ зимы и стужи
И избу соломой
Онъ укрылъ снаружи,

Чтобы въ избу вѣтеръ
Не проникъ сквозь щели,
Не надули-бъ снѣга
Вьюги и метели.

Онъ теперь покоенъ:
Все кругомъ укрыто,
И ему не страшень
Злой морозъ, сердитый.

И. Суриковъ.

105. Появленіе зимы.

Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана....

Вотъ вѣтеръ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, рассыпалась клоками,
Повисла на сукахъ дубовъ,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкой
Сравняла пухлой пеленой.
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки-зимы.

А. Пушкинъ.

106. З и м а.

Зима стоитъ. Трещать морозы.
Пошли съ товарами обозы
По Руси-матушкѣ гулять,
Слѣды въ сугробахъ прокладать!
Ползеть, скрипитъ дубовый полозъ.
Рѣка, болото,—всюду мостъ
За тысячу и за двѣ версть....
На мужичкѣ бѣлѣтъ волосъ,
Но весель онъ! идетъ—кряхтитъ,
Казну на подати копить.
Посвистывай теперь на волъ,
Холодный вѣтеръ, въ чистомъ полѣ!
Кружись, сердитая метель,
Стелись, пуховая постель!

И. Никитинъ.

107. З и м а.

Чудная картина!
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ....

А. Фетъ.

108. З и м а.

Зима.... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки Жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно....

А. Пушкинъ.

109. Зимняя ночь.

Чудная ночь. Въ полномъ блескѣ луна.
Тихо. Морозно. Поляна ровна.
Бойко лошадки несутся дорогою,
Снѣжною пылью глаза вамъ слѣнять....
Вонь, покривившись, избенки стоятъ;
Мы проѣзжаемъ деревней убогою.
Въ снѣжныхъ буграхъ потонула она....
Свѣтъ кое-гдѣ промелькнетъ изъ окна;
Гдѣ-нибудь пѣсь теноркомъ заливается;
Каркнетъ ворона сквозь сонъ на вербѣ;
Кверху взвиваясь, на каждой избѣ
Сизый дымокъ изъ трубы разстиляется....
Пѣснь заунывную тянетъ ямщикъ....
Хочетъ, хоть какънибудь, бѣдный старикъ
Ночь скоротать поскорѣе безсонную;
А колокольчикъ, звеня подъ дугой,
Словно подъ ладъ нашей пѣснѣ родной,
Вторитъ ей трелью своей монотонной....

Н. Стружкинъ.

110. Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ.
Вѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.
Мѣсяца лучами
Божій храмъ облить;

Крестъ подь облаками,
Какъ свѣча, горить.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

Лишь въ одной избушкѣ
Огонекъ горить:
Вѣдная старушка
Тамъ больна лежитъ.

Думаетъ, гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ?

Горемыки-дѣтки!
Долго-ли до бѣды!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ!

Какъ начнутъ шататься
По дворахъ чужимъ,—
Мудрепо-ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ....

А ужъ тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдь.

Господи, помилуй
Горемыкъ-сиротъ,
Дай имъ разумъ, силу,
Будь ты имъ оплотъ!...

И въ лампадкѣ мѣдной
Теплится огонь,
Освѣщая блѣдно
Ликъ святыхъ иконъ,

И черты старушки,
Полныя заботъ,
И въ углу избушки
Дремлющихъ сиротъ.

Вотъ пѣтухъ безсонный
Гдѣ-то закричалъ;
Полночи спокойной
Долгій часъ насталь.

И, Богъ вѣсть, отколѣ
Пѣсенникъ лихой
Вдругъ промчался въ поле
Съ тройкой удалой,

И въ морозной дали
Тихо потонуль
И напѣвъ печали,
И тоски разгуль!...

И. Никитинъ.

111. Деревенскій сторожъ.

Ночь темна. На небѣ тучи;
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.
Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ....
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.
Зябнетъ сторожъ. Вьюга смѣло
Злится вокругъ него....
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.
Скучно!... радость измѣнила....
Скучно одному:
Пѣснь его звучить уныло
Сквозь метель и тьму.
Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ.
И, качаясь, завываетъ
Звонкая доска,—
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска!...

Н. Огаревъ.

112. И з б а.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узоры
Мерзлаго окна.

Вечерь зимній длится;
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится
И ужь спитъ себѣ.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти по-немногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ,
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ.

Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной,
Да веретена.

Н. Огаревъ.

113. Зимнее утро.

Морозить. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздумьѣ глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На дома, крытые ковромъ младаго снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у берега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ сребро;
Иглистымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело ветрѣчается съ зимою:
Тамъ, по льду гладкому и скользкому рѣки,
Свистятъ и искрятся визгливые коньки;
На лыжахъ звѣроловъ спѣшить къ лѣсамъ дремучимъ;
Тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ треску-
чимъ

Сухаго хвоста худую сѣть чинить,
И сладостно ему вспомнить прежній бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины—
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярья и волнъ мятежный взрывъ,
И свой спасительный подъ ивами заливъ,
И про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянуть, озлатятъ пучины спящей гладь
И свѣтять рыбаку свой неводъ поднимать.

А. Майковъ.

114. Б ѣ с ы.

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, Ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Страшно, страшно по-неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ.
„Эй, пошелъ, ямщикъ!“ — „Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно.
Сбились мы.... Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ.
Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной,
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.“ —
Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.

А. Пушкинъ.

115. Вьюга.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя;
То по кровлѣ обветшалою
Вдругъ соломой зашумитъ;
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

А. Пушкинъ.

116. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она.
 По дорогѣ зимней, скучной
 Тройка борзая бѣжитъ,
 Колокольчикъ однозвучный
 Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.
 Ни огня, ни черной хаты...
 Глушь и снѣгъ. На встрѣчу мнѣ
 Только версты полосаты
 Попадаются однѣ.

А. Пушкинъ.

117. Дѣдушка-Морозъ.

1.

Въ бѣломъ полушубкѣ, инеемъ покрытомъ,
Гордо подбоченясь, кверху вздернувъ носъ,
Кушакомъ подтянуть, изъ кристалловъ свитомъ,
Ходить выступаетъ дѣдушка-Морозъ!

Голова покрыта шапкой снѣговою,
На ногахъ у дѣда валенки изъ льда;
На груди могучей разлеглась конною
По-поясъ большая чудо-борода,

Волосы и брови—иглы ледяныя;
Борода въ сосулькахъ точно въ завиткахъ....
Но за то глазища.... просто огневья!
Какъ онъ ими водить—и глядѣтъ то страхъ!

Жемчугомъ застыли слезы на рѣсницахъ....
Поступь у Мороза ухарски—бодра;
Руки онъ въ ежовыхъ прячетъ рукавицахъ,
А въ рукахъ дубинка вся изъ серебра.

Дышитъ весь отвагой, силою могучей!
Зорко смотреть смѣлый, соколиный взглядъ....
Крякнетъ-ли, тряхнетъ-ли бородой колючей—
Богатырь въ немъ виденъ съ головы до пятъ!

Поглядѣтъ на дѣда—что за молодчина!
Изъ себя красавецъ, даромъ что весь бѣлъ.

Нѣтъ на немъ ни званья, нѣтъ на немъ и чина.
Отчего-жь со веѣми онъ такъ храбръ и смѣль?

Оттого, что самъ онъ пребольшая сила!
Страхъ задать веѣмъ людямъ онъ и самъ гораздъ:
Нѣтъ той власти въ мѣрѣ, чтобъ его сломила!
Никому на свѣтѣ спуску онъ не дастъ!

Въ зиму онъ надъ краемъ полный воевода!
Все ему подвластно: села, города...
Какъ судья, онъ, грозный, ходитъ средь народа,
Судьбище, расправу самъ чинитъ всегда.

Цѣлый край онъ въ сутки обойдетъ дозоромъ....
Гнѣвъень особливо съ ночи до утра.
Все раземотритъ старый, все пронижетъ взоромъ;
Кто его разсердитъ, тотъ не жди добра!

Разказнитъ злодѣя вмгъ за дѣло злое —
Налетитъ, какъ вихоръ, и задастъ трезвонъ!...
А къ добру у дѣда сердце золотое:
Бѣднякамъ, чѣмъ можно, самъ поможетъ онъ!

2.

Всюду, гдѣ нагрянетъ, заведетъ порядокъ;
Требуешь, чтобъ въ стрункѣ былъ весь бѣлый свѣтъ.
Грязь всю уничтожить.... если воздухъ гадокъ,—
То его прогонитъ сразу строгій дѣдъ.

Уберетъ поля все бѣлымъ покрываломъ;
Утрабуетъ землю, чтобъ плотнѣй была.

По рѣкамъ несется, и большимъ, и малымъ;
Не пройдетъ деревни, не минетъ села.

Любить, подъ ногами чтобъ земля хрустѣла,
А снѣжокъ промерзшій издавалъ бы скрипъ...
Въ лѣсъ потомъ заглянетъ, приметъ за дѣло:
Инеемъ одѣнетъ вѣтви толстыхъ липъ;

Сучья въ ледяныя превратитъ иголки;
Бѣлую березу уберетъ въ кристалль;
Влестками осыплетъ сосенки и елки...
Любить, чтобъ огнями лѣсъ переливалъ!

И рукой могучей дѣда-исполина
Все преобразится словно волшебствомъ:
Божій міръ наряденъ, что твоя картина!
Какъ все величаво выглядитъ кругомъ!

Въ городъ заберется—все сейчасъ измѣнитъ:
Все затянеть, сгладитъ, онъ на это лихъ!
Гдѣ, что было сѣро—въ бѣлое одѣнетъ;
Городъ разукраситъ онъ въ единый мигъ.

Выбѣлитъ карнизы, высеребрить стѣны,
Всюду, гдѣ лишь можно, глянецъ наведетъ...
На рѣкѣ не встрѣтишь грязной, сальной пѣны—
Рѣку онъ одѣнетъ въ синій, чистый ледъ.

Разрисуетъ знатно крыши и заборы;
Серебромъ обсыплетъ на домахъ фронтоны;
На всехъ окнахъ ловко выведетъ узоры
И алмазной пылью все покроетъ онъ.

Городъ въ брилліантахъ искрится, сверкаетъ,
Такъ что глазу больно станетъ наконецъ....
Мчится-ли карета, такъ вся и сіяетъ!
Тащится-ли бочка, что твой леденецъ!

Дѣдко самъ отъ счастья потираетъ руки,
Весело гогочетъ.... знать, ужъ больно радъ,
Что устроилъ скоро онъ всѣ эти штуки
И одѣлъ весь городъ въ щегольской нарядъ!

3.

Какъ лихихъ болѣзней старина не любитъ!
Какъ онъ ненавидитъ тифъ и дифтеритъ!
Если гдѣ ихъ встрѣтитъ, до смерти загубитъ....
Этихъ двухъ злодѣевъ въ жизнь не пощадитъ.

„Я, моль, васъ, ракалій!“ закричитъ сурово,
„Шляетесь, да бѣдный губите народъ“....
Схватитъ ихъ за горло, (дѣдко, страсть, здоровый!)
И, сваливъ ихъ на земь, долго, сильно бьетъ.

На смерть заколотитъ ихъ своей дубинкой,
Въ землю ихъ зароетъ очень глубоко
И привалитъ сверху толстенною льдинкой,
Чтобы на свѣтъ имъ вылѣзть было не легко!

Подъ землю упрячетъ гниль онъ и всю гадость,
Сверху все затянетъ коркой ледяной...
И въ лицѣ у дѣда засіяетъ радость:
Сердцемъ, знать, жалѣетъ онъ весь людъ больной!

Вѣднику повсюду онъ протянетъ руку:
Для него нарочно рѣку онъ скуетъ.
„Чѣмъ тебѣ, моль, дѣлать лишнихъ пять верстъ
крюку —
Пряникомъ, желанный, проходи чрезъ ледъ.“

Мужичка не тронетъ, что идетъ съ извозомъ;
Бороду для шутки вымажетъ лишь въ мѣлъ;
Скажетъ: „безъ опаски, знай, иди за возомъ —
Лишь не напивайся, будешь живъ и цѣль!“

Любить и скотинку; ей помочь желая,
Сгладить онъ дороги, установить путь
И лошаdkѣ скажетъ: „отдохни, родная!
Саночки то легче, чай, тебѣ тянуть.“

Какъ онъ ласковъ къ дѣтямъ! всюду имъ задаромъ
На рѣкахъ построить гладкіе катки.
„Ну-ка, моль, ребятки,“ скажетъ дѣткѣ съ жаромъ,
„Кто кататься мастеръ — надѣвай коньки!“

Какъ старикъ смысленый, онъ отлично знаетъ,
Что дѣтишкамъ нуженъ сильный моціонъ,
Оттого то имъ онъ такъ и угождаетъ,
Оттого о дѣткахъ такъ печется онъ!

Имъ свои онъ щедро расточаетъ ласки;
Ледяныя горы сталью окуетъ.
Мчатся съ горъ со смѣхомъ бѣшено салазки;
Тѣшитъ сердце дѣда молодой народъ!

4.

Пьяницъ онъ не терпитъ, даже ненавидитъ;
Съ ними злыя шутки часто строить дѣдъ:
Кто ему попался до крови обидитъ,
У него повадка—пьянымъ спуску нѣтъ!

До того глумиться любить надъ буяномъ,
Точно самъ царяпнулъ зелена—вина....
Лучше не встрѣчайся съ дѣдомъ въ видѣ пьяномъ,
По духу услышитъ—чутокъ старина!

Буйнаго савраса, чтобъ не билъ баклуши,
Строго онъ прошколитъ и пройметъ до слезъ,
За щеки укуситъ и прихватитъ уши.
А „его степенству“ насандалитъ носъ.

Какъ ножемъ, иному всю изрѣжетъ кожу....
„Пьяныхъ, дѣдъ промолвить, проучить не грѣхъ!“
Уши имъ раздуетъ, а иную рожу
Разведетъ разводомъ, словно подъ орѣхъ!

За лицо кусаетъ сторожа ночнаго,
Если тотъ затѣетъ задремать часокъ....
А ужъ если встрѣтитъ человѣка злаго—
До костей пронизетъ, съ ними дѣдъ жестокъ.

По ногамъ дубинкой жулика и вора
Хлещетъ и грозитъ: „я тебя! Пстой!“
А бродягу ночью онъ безъ разговора
Такъ сожметъ въ объятіяхъ, что хоть волкомъ вой!

Иногда от скуки онъ и бѣдокурить,
Дѣдъ большой потѣшникъ и на шутки лихъ:
Какъ онъ свѣтскихъ барынь ловко штукатурить.
А ужъ особливо крашенныхъ франтихъ!

Барыня-то пурпуръ наведетъ поддѣльный:
Днемъ лицо нарисовать до того, что страхъ,
А морозъ румянецъ пустить самодѣльный, —
Глядь: у ней двѣ краски рядомъ на щекахъ!

Ледянымъ дыханьемъ все лицо ей свяжетъ....
Барыня, забывшись, щеки третъ и носъ;
Всю-то штукатурку по лицу размажетъ....
И до слезъ хохочетъ дѣдушка-Морозъ!

5.

Встрепенутся люди съ дѣдушки приходомъ:
Русскому по сердцу удалой Морозъ!
Съ нимъ конецъ наступитъ болѣстямъ, невздамъ,
Сколько онъ здоровья всѣмъ съ собой принесъ!

Всѣ повеселятъ, а больные люди
Дѣда за подмогу какъ благодарятъ!
Воздухомъ здоровымъ дышать снова груди....
Каждый точно ожилъ: духомъ бодръ и радъ.

Видишь на всѣхъ лицахъ нашу мощь родную!
Силы и отваги вновь отыщешь слѣдъ
И веселость нашу шумную, шальную,
И безпечный хохотъ возвратилъ намъ дѣдъ.

Взглядомъ молодецкимъ смотритъ смѣло око....
О, родная удаль! какъ ты хороша!
Распахнулось сердце вольно и широко,
Ожила съ Морозомъ русская душа!

Дѣдъ почтенъ любовью цѣлаго народа:
Выкажетъ съ нимъ Русскій удаль всю свою,
Да и самъ Морозецъ, бравый воевода,
Любить жить въ широкомъ, удаломъ краю!

Н. Стружкинъ.

118. Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ,

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„Весна идетъ, весна идетъ,
Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!“

Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ, майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Ө. Тютчевъ.

119. Вѣстники весны.

Посмотри, въ лазури ясной,
Шумной радости полны,
Снова стаей суетливой
Рѣютъ вѣстники весны.

Суетливой стаей вьются,
И щебечуть, и шумятъ.
Снѣгъ послѣдній быстро таетъ,
Громы первые гремятъ.

Чи-то звуки, чи-то пѣсни
Льются съ радужныхъ высотъ.
Чей-то голосъ, нѣжный, милый,
Въ даль звенящую зоветъ....

Слушай! слушай!... Эти звуки
Съ нивъ, долинъ, лѣсовъ и горъ....
Ахъ, уйти, уйти-бы въ поле,
Въ степь, на волю, на просторъ!

С. Фругъ.

120. В е с н а .

Зима не даромъ злится:
Прошла ея пора;
Весна въ окно стучится
И гонитъ со двора.

И все засуетилось,
Все гонить зиму вонъ,
И жаворонки въ небѣ
Ужъ подняли трезвонъ.

Зима еще хлопочетъ
И на весну ворчитъ,
Та ей въ глаза хохочетъ
И пуще лишь шумить!
Взбѣсилась вѣдьма злая
И, снѣгу захвата,
Пустила, убѣгая,
Въ прекрасное дитя.

Веснѣ и горя мало:
Умылася въ снѣгу
И лишь румянѣй стала
На перекоръ врагу.

Ө. Тютчевъ.

121. В е с н а .

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.
Синѣя, блещутъ небеса;
Еще прозрачные лѣса
Какъ-будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.

Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумять, и соловей
Ужъ пѣль въ безмолвіи ночей.

А. Пушкинъ.

122. В е с н а.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
И въ полдень яркій солнце вызываетъ
Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
Весною пахнетъ....

Люблю я этотъ переходъ: живешь,
Какъ наканунѣ праздника, и ждешь,
Какъ колоколь пробудить гуль далекой,
Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
И будетъ радость общая и крикъ,
И пѣсни не умолкнутъ ни на мигъ.

И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется,
Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ,
И ласточка, щебеча, принесется
Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
Давнымъ давно.... Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю; спрашиваю: гдѣ летала?
Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ сторонѣ-ль прекрасной побывала,
Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,
Гдѣ море плещетъ, иекрась и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!...

И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ, и будетъ шумень лѣсъ,
Запахнетъ ландышь у корней древесъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ; и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяць томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ
И соловей до утра пропоетъ....

Н. Огаревъ.

123. В е с н а.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой.

А. Фетъ.

124. В е с н а.

Пришла весна—цвѣтеть земля;
Древа шумять въ вѣнцахъ зеленыхъ,
Лучами солнца позлащенныхъ.
Красуются луга, поля;

Стада вокруг холмов играютъ;
На вѣтвяхъ птички воспѣваютъ
Пріятность теплыхъ, ясныхъ дней,
Блаженство участи своей.

Н. Карамзинъ.

125. Весенняя пѣснь.

Весна! Весна! оковы спали
Зимы губительной и злой;
Проснулись силы, что дремали
Ненастной зимнею порой.

Возстаньте, люди, и за дѣло
Святое примемъ скорѣй,
Чтобъ все въ рукахъ у насъ кипѣло,
Чтобъ дождались мы свѣтлыхъ дней!

Полезной ищемъ мы работы,—
Трудиться честь и долгъ велить,
И не бесплодная заботы
Судьба намъ добрая сулить.

Левъ Медвѣдевъ.

126. Весеннее утро.

Въ полѣ тихо; чуть-чуть вѣетъ
Перелетный вѣтерокъ;
Тѣнь полночная рѣдѣетъ;
Золотитъ заря востокъ.

Надъ рѣкой туманъ сгустился;
Роса блещетъ на лугахъ.
Съ вѣтки бабочка слетѣла,
Кверху рѣзвая взвилась;
Въ рощѣ птичка ужъ запѣла,
Заря ярче занялась.
Будто огненной рѣкою,
Разлилась она—и вотъ
За той пышною зарею
Солнце ясное встаетъ.

Загоскинъ.

127. В е с н а .

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ,
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ,
Съ нею солнце дольше
И весна милѣй...
Прощебечъ съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй.
Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой!...

А. Плещеевъ.

128. Первая травка.

Солнышко сіяетъ, весело играя...
Устремился кверху молодой побѣгъ,
Пробиваетъ землю травка молодая,
Но надъ ней разлегея старый, талый снѣгъ.

—
Землю грузно давить тяжестью своею...
И взмолилась травка, плача и скорбя:
— „Дѣдушка, голубчикъ! тай-же поскорѣе;
Ты лежалъ всю зиму: будетъ ужь съ тебя!

—
Хочется пожить мнѣ тоже вольной волей.
Ты свое ужь отжилъ: ты и старъ, и сѣдъ.
Смилуйся, родимый, надъ моею долей,
Дай мнѣ поскорѣе видѣть Божій свѣтъ!“

—
Но у снѣга тоже, знать, не дура губа:
Очень ему нужно о другихъ тужить!
Посмотрѣвъ на травку, онъ ей молвилъ грубо:
„Мнѣ-то что за дѣло, что ты хочешь жить?“

—
И лежитъ недвижно снѣгъ сѣдой, угрюмый,
И не хочетъ таять, уперся старикъ.
Заскучала травка и съ печальной думой
Взоръ ея на землю горестно поникъ.

—
Видя эту сцену, солнышко златое
Сжалилось надъ травкой, собрало лучи
И цѣлуетъ землю съ нѣжной теплотою.
Поцѣлуи солнца жгучи, горячи!

Солнышко не хочет Вожіей травки маять,
Зная, что и ей, вѣдь, жить разрѣшено.
Снѣгъ ворчитъ сердито: знать не хочетъ таять,
Но, вѣдь, съ солнцемъ спорить.... охъ, какъ мудрено!

Началъ осѣдать онъ, растопился сразу,
Расплылся повсюду онъ грязною водой
И ушелъ подъ землю, точно по заказу,
Чтобъ очистить мѣсто травкѣ молодой.

И тогда былинка, получивъ свободу,
Распрямивъ листочки, начала рости....
Солнце улыбалось, глядя на природу,
Радуюсь, что травку удалось спасти!

Н. Стружкинъ.

129. Л ъ т о.

Всю щедрую руку Создатель открылъ;
И рощи, и нивы богатствомъ залилъ.
Одѣты деревья, одѣты кусты,
Кругомъ по травѣ запестрѣли цвѣты.

Привольно стадамъ на зеленыхъ лугахъ;
Привольно и рыбкѣ въ прохладныхъ струяхъ;
Въ садахъ между листьевъ желтѣютъ плоды
И сахара зрѣютъ на нивахъ труды.

Въ лугу ужъ звенить и сверкаетъ коса,
А въ рощицѣ птички твердятъ голоса:
„Какъ славно здѣсь, мальчикъ, въ прохладной тѣни!
Иди къ намъ скорѣй, на травѣ отдохни;

Послушай, какую мы пѣсню поемъ,
Какъ щедрому лѣту хвалу воздаемъ!...
— „Не лѣто хвалите.“ имъ мальчикъ сказалъ:
„Хвалите Того вы, Кто лѣто намъ далъ!“

Альбинскій.

130. Лѣтнее утро.

Румяной зарею
Покрылся востокъ;
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ;
 Росой окропились
 Цвѣты на поляхъ;
 Стада пробудились
 На мягкихъ лугахъ.
Сѣдые туманы
Плывутъ къ облакамъ,
Гусей караваны
Несутся къ лугамъ;
 Проснулись люди,
 Спѣшатъ на поля;
 Явилось солнце,
 Ликуетъ земля!

И. Козловъ.

131. Лѣтній полдень.

На лугу лежатъ коровушки,
Травки сочной не жуютъ;

Въ вербахъ, притаясь соловушки
Пѣсенъ звонкихъ не поютъ.

Вся природа, какъ усталая, —
Не дрогнетъ нигдѣ листокъ....
Вонъ въ водѣ и рыбка малая
Притаилась за кустомъ....

Вѣтеръ по болотцу сонному
Не играетъ камышомъ....

Лишь по бережку зеленому
Дѣти скачутъ нагишомъ....

А малюточекъ веселенькихъ
Солнце жжетъ въ лучахъ своихъ
И любитъ на голенькихъ
Купидоновъ полевыхъ.

Н. Стружинъ.

132. Лѣтній вечеръ.

1.

Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
Облака съ золотыми краями;
Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,
Теплый вечеръ прозрачно-румянъ.

Вотъ ужъ вѣтъ прохладой ночью;
Грезить колосъ надъ узкой межою;
Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ,
Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.

Кротко звѣздъ золотое сіянье,
Въ чистомъ полѣ покой и молчанье;
Точно въ храмѣ стою я въ тиши
И въ восторгѣ молюсь отъ души.

2.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ,
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.

Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чашѣ молчаливой
Темнота лежитъ.

Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

По травѣ высокой
Съ цѣпью на ногахъ
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь въ потьмахъ.

Пѣсню вотъ заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловить — не глядитъ,
Пляшетъ — присѣдаетъ,
Соловьемъ свистить.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ....

Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,

Звѣзды надъ полями,
Глушь, да камыши....
Такъ и льются сами
Звуки изъ души.

И. Никитинъ.

133. Лѣтній сонъ.

Такъ свѣтла и ясна
Въ небѣ чистомъ луна,
Съ вышины безпредѣльной сіяетъ.
Тихо всюду кругомъ —
И въ молчаньѣ нѣмомъ
Вся природа въ тиши отдыхаетъ.

И съ ночью порой
Все волшебникъ покой
Осѣнилъ уже своими крылами.
Трудъ дневной позабыть
И съ надеждою спитъ
Селянинъ, утомленный трудами.

И отраднѣйшій сонъ
Въ тишинѣ видитъ онъ,
Этотъ сонъ ему душу ласкаетъ:
Уже сжаты хлѣба,
Ужъ идетъ молотба
И прожить ему зиму хватаетъ.

Есть хоть малый доходъ,
Онъ спокоенъ за годъ;
Какъ-бы дальше, о, Господи Боже,
Такъ же хлѣбъ уродилъ,
Онъ спокоенъ бы былъ
И на новую зимушку тоже.

Какъ пріятно уснуть,
Чтобъ отъ дня отдохнуть,
Другъ-крестьянинъ, работникъ сердечный!
Но блѣднѣетъ луна....
Скоро, скоро она
Путь по небу свершить скоротечный.

Погоди уходить,
Дай подольше забыть
Мужику ту кручину—заботу.

Но луны уже нѣтъ....
Вотъ ужь брежитъ разсвѣтъ,
Поднимайся-ка, братъ, на работу.

Левъ Медвѣдевъ.

134. Въ ночномъ.

Лѣтній вечеръ. За лѣсами
Солнышко ужь сѣло;
На краю далекомъ неба
Зорька заалѣла;
 Но и та потухла. Топотъ
 Въ полѣ раздается:
 То табунъ коней въ ночное
 По дугамъ несется.
Ухвати коней за гриву,
Скачутъ дѣти въ поле.
То-то радость и веселье,
То-то дѣтямъ воля!
 По травѣ высокой кони
 На просторѣ бродятъ;
 Собралися дѣти въ кучку
 Разговоръ заводятъ.
Мужички сторожевые
Улеглись подъ лѣсомъ
И заснули.... Не шелохнется
Лѣсъ густымъ навѣсомъ.
 Все темнѣй, темнѣй и тише...
 Смолкли къ ночи птицы;
 Только на небѣ сверкаютъ
 Дальнія зарницы.

Кой-гдѣ звякнетъ колокольчикъ,
Фыркнетъ конь на волѣ,
Хрухнетъ вѣтка, кустъ... и снова
Все смолкаетъ въ полѣ.
И трещать сухіе сучья,
Разгораясь жарко,
Освѣщая тьму ночную
Далеко и ярко....

И. Суриковъ.

135. Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.
Окаймленное кустами
Молодыхъ ракичь,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.
Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ.
Вотъ одинъ взмахнулъ лѣнливо
Крыльями.... и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.
Привязавъ къ ракичамъ лодку,
Мужички вдвоемъ
Близъ осоки втихомолку
Тянуть сѣть съ трудомъ.

По травѣ въ рубашкахъ бѣлыхъ
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется
И лицо горить;
Звучно смѣхъ ихъ раздастся,
Голосокъ звенить.

„Ну, катай на перегонки!“
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.

„Тянуть, тянуть!“ закричали
Ребятишки вдругъ,
„Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и щукъ!“

Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.

— „Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ, —
Нечего глядѣть!“ —

Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.

Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На песокъ затрепетали
Окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
„Будетъ на денекъ!“
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.

136. Лѣтній вечеръ.

Люблю я берегъ сей пустынный,
Когда съ зарею лоно водъ
Его, ласкаясь, обойметъ
Дугой излучистой и длинной.
Тамъ въ мелководье по песку
Стада спустилися лѣниво;
Тамъ темные сады въ рѣку
Глядятся зеленью стыдливой;
Тамъ ива на воды легла,
На вервахъ мачта тамъ уснула
И въ глади воднаго стекла
Ихъ отраженье потонуло.

А. Майковъ.

137. О с е н ь .

Славная осень! Здоровый, едреный
Воздухъ усталыя силы бодритъ;
Ледъ неокрѣпшій на рѣчкѣ студеной,
Словно какъ тающій сахаръ, лежитъ.

Около лѣса, какъ въ мягкой постели,
Выснаться можно — покой и просторъ!
Листья поблекнуть еще не успѣли,
Желты и свѣжи, лежатъ, какъ коверъ.

Славная осень! Морозныя ночи,
Ясные, тихіе дни....

Нѣтъ безобразья въ природѣ! И кочи,
И моховыя болота, и пни—

Все хорошо подь сіяніемъ луннымъ,
Всюду родимую Русь узнаю....

Н. Некрасовъ.

138. О с е н ь .

Осенніе листья по вѣтру кружатъ,
Осенніе листья въ тревогѣ вопятъ:
„Все гибнетъ, все гибнетъ! ты черенъ и голъ,
О, лѣсъ нашъ родимый! конецъ твой пришелъ!“

—
Не слышитъ тревоги ихъ царственный лѣсъ.
Подъ темной лазурью суровыхъ небесъ:
Его спеленали могучіе сны
И зрѣтъ въ немъ сила для новой весны.

А. Майковъ.

139. Осенніе листья.

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчатъ,
Въ снѣга и метели
Закутавшись, спятъ.
Ихъ тощая зелень,
Какъ иглы ежа,
Хоть вѣкъ не желтѣетъ,
Но вѣкъ не свѣжа.

Мы-жь, легкое племя,
Цвѣтемъ и блестимъ
И краткое время
На сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
Мы были въ красѣ,
Играли съ лучами,
Кунались въ росѣ!

Но птички отпѣли,
Цвѣты отцвѣли,
Луга поблѣднѣли,
Зефиры ушли.
Такъ что-же намъ даромъ
Висѣть и желтѣть?
Не лучше-ль за ними
И намъ улетѣть?

О, буйные вѣтры!
Скорѣе, скорѣй!
Скорѣй насъ сорвите
Съ докучныхъ вѣтвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотимъ,—
Летите, летите,
Мы съ вами летимъ!

Ө. Тютчевъ

140. О с е н ь.

Настала осень. Скучень городъ.
Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
Ночь черная и сѣрый день—
И по нуждѣ покинуть лѣнь
Свой теплый уголь. Вечерами
Вороны, галки надъ садами
Кричатъ, собираясь на ночлегъ;
Порой нежданный мокрый снѣгъ
Кружится, кровли покрываетъ,
Къ лицу и платью пристааетъ,
И снова мелкій дождь поидеть,
И вѣтеръ свистомъ досаждаеть.
Куда ни глянешь—ручейки,
Да грязь и лужи. Окна плачуть
И, морщась, пѣшеходы прячуть
Свои носы въ воротники.

И. Никитинъ.

141. О с е н ь.

Точно черезъ сито, мелкій дождикъ льется
И шумитъ печально обнаженный лѣсъ;
Вѣтромъ по дорогѣ блеклый листъ несется
И сквозь тучи смотритъ солнышко съ небесъ.

Только рано утромъ глухо, равномерно
Стукъ цѣповъ тяжелыхъ слышенъ на току:
Для труда ненастье не помѣха, вѣрно—
Вѣдному заботы много на вѣку.

И. Пановъ.

142. Осенняя ночь.

Сторожъ вкругъ дома господскаго ходитъ,
Скучно зѣваетъ и въ доску колотитъ.
Мракомъ задернуты небо и даль,
Вѣтеръ осенній наводитъ печаль;
По небу тучи угрюмыя гонитъ,
По полю—листья, и жалобно стонетъ....

Н. Некрасовъ.

143. Прилетъ птички.

„Ахъ, зачѣмъ, пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?
Заслонили солнце тучи,
Небеса заволокли,
И камышъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.“
— „Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и звонкихъ
Не совью себѣ гнѣзда.
Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка;
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей,
Никогда ее не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

А. Плещеевъ.

144. Птичка.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый;
Въ безмятежной тишинѣ
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной —
Средь некошеннаго луга,
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка вольная поетъ.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидно
Долѣ птичкѣ полевой.

Я. Полонскій.

145. Перелетная птичка.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взоидетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ..
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ.
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ.
Людыамъ скучно, людыамъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

146. Л а с т о ч к а .

Ласточка, ласточка! какъ я люблю твои вешнія
пѣсни,
Милый твой взоръ я люблю, какъ весна, и живой
и веселый.
Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо
мною!
Можетъ быть, сладкія пѣсни и мнѣ нанесешь ты
на душу.

Птица, любезная людямъ! ты любишь сама чело-
вѣка;
Ты лишь одна изъ пернатыхъ свободныхъ гостишь
въ его домѣ;
Днями счастливой любви подъ его наслаждаешься
кровлей;
Дружбѣ его и свой маленькій домъ и семейство
ввѣряешь
И, зимы лишь бѣжа, оставляешь домъ челоуѣка.
Съ первымъ паденьемъ листовъ улетаешь ты, милая
гостья!
Но куда? за какія моря, за какіе предѣлы
Странствуешь ты, чтобъ искать обновленія жизни
прекрасной,
Пѣсней искать и любви, безъ которыхъ жить ты
не можешь?
Кто по пустынямъ воздушнымъ, досель неотгадан-
ный нами,
Путь для тебя указываетъ, чтобъ снова предъ нами
являться?
Съ первымъ дыханьемъ весны ты являешься снова,
какъ съ неба,
Пѣнями насъ привѣчать съ воскресеньемъ без-
смертной природы.

Н. Гнѣдичъ.

147. Птицы.

Зима, какъ саванъ, облекла
Весь край нашъ въ бѣлую равнину
И птицъ свободныхъ на чужбину
Любовь и пѣсни унесла.

Но и въ чужомъ краю мечтою
Онѣ летять къ роднымъ полямъ:
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною!

Имъ лучше въ дальнихъ небесахъ;
Но намъ безъ нихъ сводъ неба тѣсенъ:
Намъ только эхо вольныхъ пѣсенъ
Осталось въ избахъ и дворцахъ.
Ихъ пѣсни звучною волною
Плывутъ къ далекимъ берегамъ;
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною!

Онѣ на темную лазурь
Слетятся съ громовымъ ударомъ,
Чтобъ свить гнѣздо подь дубомъ старымъ,
Но не согнувшимся отъ бурь.
Усталый пахарь за сохою
Навстрѣчу вольнымъ голосамъ
Зальется пѣснями,—и къ намъ
Онѣ воротятся весною!

В. Курочкинъ.

148. Птичка.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей;
Я роцамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утоная
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ запѣла, улетаая,
Какъ-бы молилась за меня.

Туманскій.

149. Птичка.

Въ чужбинѣ свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хотъ одному творенью
Я могъ свободу даровать?

А. Пушкинъ.

150. Мальчикъ и птичка.

„Лети ко мнѣ, пѣвунья птичка,
Съ зеленой вѣтки! Безъ заботъ
Ты будешь жить въ нарядной клѣткѣ
И зерна кушать круглый годъ.

—
Какъ буду я тебя лелѣять,
Какъ буду я тебя любить!
Водицы свѣжей не забуду
И по утрамъ тебѣ носить.

—

И сколько блага песочку
Тебѣ я, птичка, припасу!
Повѣрь,—здѣсь лѣтомъ безопаснѣй,
Зимой теплѣе, чѣмъ въ лѣсу.

Тебя охотникъ не подстрѣлитъ,
Не можетъ ястребъ заклевать;
Съ утра до вечера спокойно
Ты будешь въ клѣткѣ распѣвать!“

— „Нѣтъ, нѣтъ! за клѣтку расписную
Я не отдамъ лѣсовъ своихъ,
Хотя бы каждое мгновенье
Мнѣ угрожала гибель въ нихъ.

И не покину я простора
Цвѣтами убранныхъ полей....
Дитя! твои мнѣ ласки милы,
Но воля мнѣ еще милѣй!“ —

„Ты любишь, птичка, лѣсъ и поле,
И я люблю ихъ! но куда —
Скажи - ты спрячешься, бѣдняжка,
Когда настанутъ холода?“

— „Я полечу въ края иные,
Гдѣ вѣчно зелены луга,
И къ вамъ вернусь, когда растаютъ
Подъ вешнимъ солнышкомъ снѣга.“ —

„А какъ собьешься ты съ дороги,
Да и замерзнешь гдѣ нибудь?“

— „Не бойся, другъ мой! Вольной птичкѣ
Господь указываетъ путь!“

А. Плещеевъ.

151. Птичка и дѣти.

— „Ахъ, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь изъ сѣти;
Не разстанемся съ тобой
Ни за что на свѣтѣ.“ —
 „Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я вамъ,
 Миленькія дѣти?
 Отпустите полетать,
 Развяжите сѣти.“

— „Нѣтъ, не пустимъ, птичка, нѣтъ!
Оставайся съ нами,
Мы дадимъ тебѣ конфетъ,
Чаю съ сухарями.“ —
 „Ахъ, конфетъ я не клюю,
 Не люблю я чаю:
 Въ полѣ мошекъ я ловлю,
 Зернышки собираю...“

— „Тамъ замерзнешь ты зимой
Гдѣ нибудь на вѣткѣ;
А у насъ-то въ золотой
Будешь жить ты клѣткѣ!“

 „О, не бойтесь! Въ теплый край
 Улечу зимою,
 А въ неволѣ — свѣтлый рай
 Будетъ мнѣ тюрьмою.“

— „Птичка, птичка! какъ любить
Мы тебя бы стали!
Не позволили-бъ грустить,
Все-бъ тебя ласкали.“ —

„Вѣрю, дѣтки! Но для насъ
Вредны ваши ласки:
Съ нихъ закрыла-бы какъ разъ
Я на вѣки глазки.“

— „Правда, правда, птичка! ты
Не снесешь неволи....
Ну, такъ Богъ съ тобой — лети
И живи на волѣ!“ —

Клюшниковъ.

152. Дитя и гнѣздо съ малиновками.

— „Вотъ гнѣздышко! Вотъ вы, малютки:
Четыре или пять изъ семьи....
Какъ долго слѣдилъ я за вами,
Бѣдняжки! теперь вы—мои!

—
Кричите, шалуньи, кричите
И бейтесь изъ рукъ, — все равно!
Вѣдь, крылья такъ малы и слабы:
На нихъ улетѣть мудрено!

—
Но что же? Тамъ дальше я слышу,
Ихъ матери крикъ раздался....
Отецъ этихъ бѣдныхъ малютокъ
Высоко надъ ними взвился.

О, нѣтъ! Я не буду ихъ мучить!
Вѣдь, лѣтомъ, бывало придешь
Въ лѣсокъ и услышишь ихъ пѣнье,
Такъ сладко подъ дубомъ заснешь!

А если меня бы у мамы
Злодѣя рука отняла?
О, вѣрно, въ разлукѣ со мною,
Отъ горя бѣ она умерла!

Нѣтъ, птички! Я больше не буду
Малютокъ у васъ отнимать:
Сейчасъ ихъ назадъ возвращаю....
За что-же мнѣ васъ разлучать?

Учите ихъ въ рощѣ на волѣ
Летать межъ зеленыхъ вѣтвей,
Учите ихъ пѣснѣ свободной, —
Пусть голосъ ихъ будетъ нѣжнѣй!

Наступитъ и красное лѣто --
Опять я въ лѣсокъ загляну;
Услышу веселое пѣнье
И сладко подъ дубомъ засну.

М. Чистякова.

153. Пчелы.

„На-т-ко медку! съ караваемъ покушай,
Притчу про пчелокъ послушай!

Нынче не въ мѣру вода разлилась,
Думали, просто идетъ наводненіе,
Только и сухо что наше селеніе
По огороды, гдѣ ульи у насъ.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видить и лѣсъ, и луга вдалькѣ,
Ну—и летить,—ничего на легкѣ,
А какъ назадъ полетитъ нагруженная,
Силь не хватаетъ у милой.— Бѣда!
Пчелами вся запестрѣла вода,
Тонуть работницы, тонуть сердечныя!
Горю помочь мы не чаяли, грѣшныя,
Не догадаться самимъ бы во вѣкъ!
Да нанесло человѣка хорошаго,
Подъ Благовѣщенье помнишь прохожаго?
Онъ надоумилъ, Христовъ человѣкъ!

—
Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили:
Я при прохожемъ тужиль-тосковаль.
— „Вы бы имъ до суши вѣхи поставили,“ ---
 Это онъ слово сказалъ!
Вѣришь: чуть первую вѣху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Такъ и валять, и валять отдыхать!
Какъ богомолки у церкви на лавочкѣ,
Сѣли—сидятъ.

—
На бугрѣ-то ни травочки,
Ну а въ лѣсу и въ поляхъ благодать:
Пчелкамъ не страшно туда залетать,
Все отъ единого слова хорошаго!

Кушай на здравіе! Будемъ съ медкомъ.
Благослови Богъ прохожаго!“

Кончилъ мужикъ, осѣнился крестомъ;
Медъ съ караваемъ парнишка докушалъ,
Тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ
И за прохожаго низкій поклонъ
Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

Н. Некрасовъ.

154. Г р и ш у х а.

Рожь сняли, полегче тутъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвуха,
Сидѣла съ морковью въ рукѣ.
Телѣга, скрипя, подѣзжаетъ —
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
— „Богъ помощь! А гдѣ же Гришуха?“ —
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
„Въ горохахъ,“ сказала старуха.
— „Гришуха!“ отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ. — „Чай, не рапо?
Испить бы“.... Хозяйка вѣстаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напитъся кваску подастъ.

Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ окутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Выгущимъ зеленымъ кустомъ.
---„Бѣжить!... у!... бѣжить пострѣленокъ
Горитъ подь ногами трава!“ —
Гришуха черень, какъ галченокъ,
Бѣла лишь одна голова.
Крича, подбѣгая въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ):
Попогчеваль бабушку, матку,
Сестренку... вертитея выюномъ.
Отъ матери молодцу ласка,
Отець мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и Савраска:
Онъ шею тянулъ, да тянулъ,
Добрался, оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуеть,
И въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо беретъ.

Н. Некрасовъ.

155. Мальчикъ-мужичокъ.

Однажды въ студеную, зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ,
И, шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подь уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!

— „Здорово, парнище!“ — „Ступай себѣ мимо!“
— „Ужъ больно ты грозень, какъ я погляжу!
Откуда дровишки?“ — „Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отець, слышишь, рубить, а я отвожу.“
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка.)
— „А что, у отца-то большая семья?“
„Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой, да я“....
— „Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя?“ —
„Власомъ.“
— „А какой тебѣ годикъ?“ — „Шестой миноваль...
Ну, мертвая!“ крикнулъ малюточка басомъ,
Рвануль подъ уздцы и быстрѣй зашагалъ.

На эту картину такъ солнце свѣтило,
Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,
Какъ будто, все это картонное было,
Какъ будто-бы, въ дѣтскій театръ я попалъ!
Но мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоящій,
И дровни, и хворость, и пѣгонькій конь,
И снѣгъ, до окошекъ избушекъ лежащій,
И зимняго солнца холодный огонь —
Все, все, настоящее русское было,
Съ клеймомъ нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душѣ такъ сладостно мило,
Что добрыя мысли вселяетъ въ умы....

Играйте же, дѣти! Растите на волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство дано,
Чтобъ вѣчно любить это родное поле,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.

Храните свое вѣковое наслѣдство,
Любите свой хлѣбъ трудовой —
И пусть обаянье поэзіи дѣтства
Проводитъ васъ въ нѣдра землицы родной!..

Н. Некрасовъ.

156. Старость и юность.

Ходитъ юность, подбоченившись,
Молодецкая, безпечная,
На устахъ ея улыбочка,
Благодушная, сердечная.

Взглядъ ея горитъ отвагою,
Поступь гордо-величавая,
Грудь и плечи богатырскія,
А головушка кудрявая.

Звонокъ смѣхъ ея раскатистый;
Рѣчь душевная, открытая...
А навстрѣчу ей чуть движется
Старость мрачная, сердитая.

Голова ея покрылася
Пожелтѣвшими сѣдинами,
Все лицо у ней отъ времени
Поизрѣзано морщинами.

Словно плети, руки слабыя
Отъ безсилія болтаются;
Ноги, службу отслужившія,
То и дѣло спотыкаются.

Юность видя залихватскую,
Старость сморщилась, озлилась
И пронамкала съ досадою:
„Ну, чего развеселилась?

Ой, не жди отъ жизни радости!
Впереди лишь огорченья:
Каждый день наполненъ горечью;
Вся-то жизнь одни мученья!
 Неудача, да несчастье
 Всюду рядомъ съ тобой пляются;
 Бьетъ нужда, а горе лютое
 По пятамъ твоимъ гоняется.“
Заломивши на бокъ шапочку,
Отвѣчаетъ юность старости:
— „Что раскаркалась вороною
И коришь все въ злобной ярости?
 Въ жизни свѣтлыя есть радости,
 Есть святыя наслажденія,
 И средь горя, и средь бѣдствія
 Есть чистѣйшія мгновенія!
Къ счастью тихо мы подкрадемся
Осторожно и съ сноровочкой;
А стрясется съ нами горюшко,
Мы завьемъ его веревочкой.“
 Съ вѣрой въ небо юность глянула,
 Залилась пѣвцомъ соловушкой
 И пошла, тряхнувъ восторженно
 Разудалою головушкой....

Н. Стружкинъ.

157. Солнце и мѣсяць.

Въ колыбель младенца ночью
Мѣсяць лучъ свой заронилъ.

— „Отчего так свѣтитъ мѣсяцъ?“ —
Робко онъ меня спросилъ.

—
Въ день-деньской устало солнце,
И сказала ему Господь:
„Лягъ, засни! и за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ.“

—
И взмолилось солнце брату:
„Братъ мой, мѣсяцъ золотой!
Ты зажги фонарь и ночью
Обойди ты край земной!“

—
Кто тамъ молится, кто плачетъ,
Кто мѣшаетъ людямъ спать —
Все развѣдаетъ и по утру
Приходи и дай мнѣ знать!“

—
Солнце спитъ, а мѣсяцъ ходить,
Сторожить земной покой....
Завтра-жъ рано-рано къ брату
Постучится братъ меньшей.

—
Стукъ-стукъ-стукъ!... Отворять двери.
„Солнце, встань! Грачи летять.
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонять.“

—
Солнце встанетъ, солнце спросить:
— „Что, голубчикъ, братецъ мой?
Какъ тебя Господь-Богъ носить?
Что ты блѣденъ? Что съ тобой?“

И начнетъ разсказъ свой мѣсяцъ:
Кто и какъ себя ведетъ....
Если ночь была спокойна —
Солнце весело взойдетъ.

—
Если-жъ нѣтъ — взойдетъ въ туманѣ,
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня —
И дитя не поведетъ.

Я. Полонскій.

158. Маргаритка.

Природа очнулась отъ зимняго сна,
Въ саду растворилась калитка,
За садомъ же тѣмъ одинока, грустна
Малютка цвѣла маргаритка.
И солнце ласкало ее съ высоты,
Ласкало и тѣ дорогіе цвѣты,
Которые глупо гордились,
Что въ барскомъ саду находились.

—
И къ солнцу головку свою обратя,
Сверкая, какъ снѣгъ, бѣлизною,
Малютка шептала: — „Я крошка — дитя,
Никто не любитъ меня.
Но я не горюю.... Мнѣ плакать о чемъ?
Согрѣтая солнечнымъ теплымъ лучомъ,
Живу я за-то не въ неволѣ:
Здѣсь поле, свободное поле!

Качаясь на вѣткѣ, склонившись къ землѣ,
У вѣтра я слушаю сказки.
Меня онъ колышитъ въ таинственной мглѣ,
А въ полночь даритъ свои ласки.
И здѣсь подъ навѣсомъ зеленыхъ вѣтвей
Концерты даетъ молодой соловей.
Я счастлива.... Господи Боже!
Ты добръ къ маргариткѣ за что-же?

За что, Милосердный, меня наградишь?
Вѣдь, я не изъ знатнаго рода;
Ученый садовникъ меня не сажалъ,
Мнѣ жизнь подарила природа.“ —
И, спрятавшись робко, закрывшись травой,
Колеблемый вѣтромъ, цвѣтокъ полевой
Тихонько къ землѣ наклонился,
Какъ будто, онъ Богу молился.

А розы въ саду, какъ царицы, цвѣли,
Струились изъ нихъ ароматы.
Пеоніи важно надулись. Вдали,
Какъ будто гвардейскіе солдаты,
По стрункѣ стояли тюльпановъ ряды;
Собою довольны, спесивы, горды.
Смотрѣли они черезъ калитку
На бѣдный цвѣтокъ маргаритку.

— „О, какъ благовонны, прекрасны они!“ —
Малютка въ восторгѣ шептала.
— „Завидно? Нѣтъ, Боже меня сохрани.
Чтобъ я имъ завидовать стала!
Я буду невинна, бѣла и чиста....“

Пускай соловей прилетитъ къ нимъ съ куста,
И, всѣхъ музыкантовъ чудеснѣй,
Утѣшитъ ихъ звонкою пѣсней.“—

Вдругъ быстро съ орѣшника свѣжихъ вѣтвей
Спустился пѣвецъ голосистый
Но только не въ садъ прилетѣлъ соловей,
Склонился не къ розѣ душистой,
Ее позабылъ, на нее не взглянулъ...
Къ малюткѣ-цвѣтку, къ маргариткѣ прильнулъ...
И свиснулъ онъ, къ ней подлетая:
„Здорово, малютка святая!

Тебя отыскалъ мой внимательный взоръ,
Дитя дорогое, простое!
Мнѣ нравится твой серебристый уборъ
И сердце твое золотое.
Люблю я не розы въ садахъ богачей,
Пою не для нихъ, не смыкая очей.

Пѣвецъ улетѣлъ. Закрываясь травой,
Подобно невѣстѣ, стыдливо,
Задумался бѣдный цвѣтокъ полевой...
А розы шептали ревниво:
— „Противный измѣнникъ! негодный поэтъ!“
— „Измѣнникъ!“ пеоніи вторили вельдѣ.
— „Измѣнникъ!“ звенѣли тюльпаны,
Надувшись, какъ гордые паны.

Вдругъ въ садъ прибѣжала хозяйская дочь
И рвать стала пышныя розы.
— „О, какъ бы желала я бѣднымъ помочь!“ —

Малютка сказала сквозь слезы.
— „Имъ горько и больно. За что ихъ карать?
Въ стаканахъ и вазахъ должны помирать
Онѣ на потѣху людскую....
Всю ночь я объ нихъ протоскую....“

И снился ей ночью таинственный сонъ,
Печальный и радостный вмѣстѣ:
Ей видѣлось небо, ей видѣлся онъ,
Слетающій къ ней, какъ къ невѣстѣ....
А солнце пылало на небѣ огнемъ,
И поле стонало: тоскливо на немъ
Работалъ народъ.... Надъ равниной
Ей слышался свистъ соловьиный.

И пѣлъ соловей: „Вѣдняковъ и сиротъ
Утѣшу я пѣсней звенящей,
Ко мнѣ прибѣгають на смертномъ одрѣ....
Пою о любви, о Творцѣ, о добрѣ,
Пою и для васъ также, дѣти,
Пока не изловите меня въ сѣти!“
Проснулася днемъ маргаритка.... И вотъ
Ей слышится: въ клѣткѣ желѣзной
Поетъ соловей; но печально поетъ
И бьется въ тоскѣ бесполезной.

Словили поэта. Попалъ онъ въ тюрьму.
О, какъ маргаритка желала ему
Помочь, отпустить на свободу,
Чтобы пѣлъ онъ, какъ прежде, природу!
Два мальчика вышли изъ сада съ ножомъ
И рѣзвятся въ полѣ просторномъ.

„Мы птичку словили... Ее бережемъ,
Утѣшимъ цвѣтами и дерномъ.
Отличное мѣсто—зеленый лужокъ....
А, вотъ маргаритка! Бѣла, какъ снѣжокъ,
Какъ блескъ ея нѣженъ и ярокъ!
Для плѣнника славный подарокъ....

Красивѣе дернъ съ маргариткой цвѣткомъ;
Счастливая мысль намъ явилась.“
И вотъ — маргаритка въ неволѣ рядомъ
Съ пѣвцемъ-соловьемъ очутилась.
Стонать онъ: „Какъ люди свирѣпы, горды,
И пить не даютъ мнѣ.... Воды мнѣ, воды!
Больнѣе съ минутою каждой
Горю я мучительной жаждой....

Моихъ мучителей напрасно зову,
Забыли воды дать напиться....“
И бѣдный пѣвецъ вдругъ упалъ на траву,
Чтобъ влагой ея освѣжиться.
— „Какое свиданье!“ сказалъ соловей,
„Ты здѣсь, маргаритка, въ темницѣ моей?
Покинувъ свободное поле,
И ты очутилась въ неволѣ!

Тебя съ маленькимъ дерна кускомъ
Мнѣ дали въ замѣну свободы.
Хотятъ, чтобъ надъ каждымъ твоимъ лепесткомъ
Я мучился долгіе годы.
Мнѣ жаль и тебя, маргаритка! За мной
Погибнешь въ неволѣ сама ты....
Изъ листьевъ твоихъ заструились волной
Сильнѣй на меня ароматы.

Спасибо, малютка! Спасибо, дитя!“ —
И, къ ясному небу свой взоръ обрати,
Онъ умеръ въ мучительной пыткѣ,
Головкой склоняся къ маргариткѣ.

Задумались дѣти о бѣдномъ пѣвцѣ,
Въ тиранствѣ себя обвинили
И, сдѣлавши гробикъ, съ тоской на лицѣ
Въ саду соловья схоронили.
Потомъ былъ составленъ военный совѣтъ:
Что дѣлать съ цвѣточкомъ? Въ немъ запахъ
нѣтъ.
И бросили вонъ, за калитку
Погибшій цвѣтокъ маргаритку....

159. Тоска въ одиночествѣ.

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ
Цвѣтеть, растеть высокій дубъ въ могучей красотѣ.

Высокій дубъ, развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ
глазахъ!
Одинъ, одинъ, бѣдняжка, какъ будто на часахъ.

Взойдетъ ли красно солнышко, кого подъ тѣнь
принять?
Ударить ли погодушка, кто будетъ защищать?

Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него,
Ни кустики зеленые не вьются вокругъ него.

Ахъ, скучно одинокому и дереву расти!
Ахъ, горько, горько молодцу безъ милой жизнь
вести!

Есть много сребра, золота, кого имъ подарю?
Есть много славы, почестей, но съ кѣмъ ихъ
раздѣлю?

Встрѣчаюсь ли съ знакомыми: поклонъ — да былъ
таковъ;
Встрѣчаюсь ли съ пригожими: поклонъ — да пару
словъ!

Однихъ я самъ чуждаюся, другой бѣжитъ меня,
Всеъ други, всеъ пріятели, до чернаго лишь дня.

Гдѣ-жъ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза
взойдетъ?
Другъ вѣрный спитъ въ сырой землѣ, на помощь
не придетъ!

Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька ко мнѣ;

Не выются вокругъ малюточки, тихонечко рѣзвятся,
Не плачется отъ радости старикъ, смотря на насъ!...

Возьмите же все золото и почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ!

А. Мерзляковъ.

160. Р ѣ ч к а.

По полю, полю чистому,
По бархатнымъ лужкамъ
Течеть, струится рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Она то извивается,
По травушкѣ скользитъ,
То въ ямкѣ потеряется,
То снова заблеститъ.

Цыгановъ.

161. П л о в е ц ъ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный,
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнеть вѣтеръ, зыбь чернѣй;
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
Только сильного душой!...
Смѣло, братья! бурей полный,
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Н. Языковъ.

162. Б у р я.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день,
И въ синюю бездну спустились глубоко,
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь;
Но бездна морская уже негодуетъ,
Ей хочется свѣта и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна.
Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже поднимая,
Полки она строить изъ водныхъ громадъ,
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ и ряды говорятъ;

И вотъ, свои смуглыя лица нахмури
И бѣлыя гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни....
И громъ загудѣлъ.... Начинается буря.

Н. Языковъ.

163. С т е п ь .

Ѣдешь, Ѣдешь,—степь, да небо,
Точно нѣтъ имъ края!
И стоитъ вверху, надъ степью
Тишина нѣмая.

Нестерпимою жарою
Воздухъ такъ и пышитъ;
Какъ шумитъ трава густая,
Только ухо слышитъ.

Ѣдешь, Ѣдешь,—какъ шальные,
Кони мчатся степью;
Вдаль курганы, зеленѣя,
Убѣгаютъ цѣпью.

Промелькнуть передъ глазами
Двѣ-три старыхъ ивы,—
И опять въ травѣ волнами
Вѣтра переливы.

Ѣдешь, Ѣдешь,—степь да небо,
Степь, все степь, какъ море....
И взгрустнется поневолѣ
На такомъ просторѣ!...

И. Суриковъ.

164. Ш о с с е.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у Бога!
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!...
Въ тебѣ что ни шагъ, то мужикъ работаль:
Прорѣзываль горы, мосты настилаль;
Все дружною силой и съ пѣнями взято, —
Вколачиваль молотъ и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ!...
Куда какъ упоренъ въ трудъ человекъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было-бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!...

А съ каменной рядомъ, поодаль немножко.
Окольная вьется, живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?
Безъ званія ли ты, или со званьемъ слынешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Немного ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ вѣдро суха!...

И. Аксаковъ.

О Т Д Ъ Л Ъ Ш Е С Т О Й .

165. Бабушка и внучекъ.

Подъ окномъ чулокъ старушка
Вяжетъ въ комнаткѣ уютной
И въ очки свои большіе
Смотритъ въ уголь поминутно.

А въ углу кудрявый мальчикъ,
Молча, къ стѣнкѣ прислонился;
На лицѣ его забота,
Взглядъ на что-то устремился;

— „Что сидишь все дома, внучекъ?
Шель бы въ садъ, копать бы грядки,
Или кликнулъ бы сестренку,
Поигралъ бы съ ней въ лошадки.

Кабы силы, да здоровье,
И сама бы съ вами, дѣтки,
Побрела я на лужайку;
Дни такіе стали рѣдки:

Ужъ трава желтѣетъ въ полѣ,
Листья падаютъ сухіе;
Скоро птички-щебетуньи
Улетятъ въ края чужіе!

Присмирѣлъ ты что-то, Ваня,
Все стоишь, сложивши ручки;

Посмотри, какъ свѣтитъ солнце:
Ни одной на небѣ тучки!

Что за тишь! не клонить вѣтеръ
Ни былинки, ни цвѣточка!
Не дождешься ты такого
Благодатнаго денечка!“ —

Подошелъ къ старушкѣ внучекъ
И головкою курчавой
Къ ней припалъ; глаза большіе
На нее глядятъ лукаво....

— „Знать, гостинцу захотѣлось?
Винныхъ ягодъ, винограда?
Ну, пойдѣ, возьми въ комодѣ.“ —
„Нѣтъ, гостинца мнѣ не надо!“

— „Ужъ чего нибудь да хочешь....
Или, можетъ, напроказилъ?
Можетъ самъ, когда спала я
Ты въ комодѣ безъ спросу лазилъ?“

Можетъ вытанилъ закладку
Ты изъ святцевъ для потѣхи?
Ну, стой-же.... За проказы
Будетъ внучку на орѣхи!“ —

„Нѣтъ! въ комодѣ я твой не лазилъ;
Не таскалъ твоей закладки.“
— „Такъ, пожалуй, не задулъ ли
Передъ образомъ лампадки?“ —

„Нѣтъ, бабуся, не шалилъ я;
А вчера, меня цѣлуя,
Ты сказала: „Будешь умникъ—
Все тогда тебѣ куплю я“....

— „Ишь, вѣдь, память-то какая!
Чтожь купить тебѣ? лошадку,
Оловянную посуду.
Или грабли, да лопатку?“ —

„Нѣтъ! Ужь мнѣ ты покупала
И лошадку, и посуду.
Сумку мнѣ купи, бабуся!
Въ школу съ ней ходить я буду.“

— „Ай-да Ваня! Хочеть въ школу,
За букварь, да за указку.
Гдѣ тебѣ! Садись-ка лучше,
Разскажу тебѣ я сказку....“ —

„Ужь и такъ мнѣ сказокъ много
Ты, бабуся, говорила;
Если знаешь, разскажи мнѣ
Лучше то, что вправду было.

Шель вчера я мимо школы,
Сколько тамъ дѣтей, родная!
Какъ разсказываль учитель,
Долго слушалъ у окна я.

Слушалъ я—какія земли
Есть за дальними морями....

Города, лѣса какіе
Съ злыми, страшными звѣрями.

Онъ рассказывалъ: гдѣ жарко,
Гдѣ всегда стоятъ морозы;
Отчего дожди, туманы,
Отчего бываютъ грозы....

И еще — какъ люди жили
Прежде насъ и чѣмъ питались;
Какъ они не знали Бога
И болванамъ поклонялись.

Рисовали тоже дѣти;
Много я глядѣлъ тетрадокъ,
Кто глаза, кто носъ выводитъ,
А кто домикъ, да лошадокъ.

А какъ кончилось ученье,
Стали хоромъ пѣть. Въ окошко
И меня втащилъ учитель,
Говорить: „ной съ нами, крошка!

Да проси, чтобъ присылали
Въ школу къ намъ тебя родные
Все вы скажете спасибо
Ей, --- какъ будете большіе.“

Отпусти меня! Бабусю
Я за это разцѣлюю
И какихъ тебѣ картинокъ
Распрекрасныхъ нарисую!“

И впились въ лицо старушки
Глазки бойкіе ребенка;
И морщинистую шею
Обвила его рученка.

На глазахъ старушки слезы:
— „Это Божіе внушенье!
Будь по твоему, годубчикъ,
Знаю я, что свѣтъ — ученье.

Бѣгай въ школу, Ваня! Только
Спеси тамъ не набирайся;
Какъ обучишься наукамъ,
Темнымъ людомъ не гяушайся!“ —

Чуть со стула рѣзвый мальчикъ
Не стащилъ ее. Пустился
Вонъ изъ комнаты и мигомъ
Ужъ въ саду онъ очутился.

И ужъ русая головка
Въ темной зелени мелькаетъ....
А старушка то смѣется,
То слезинки утираетъ.

А. Плещеевъ.

166. Школьникъ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, сѣльникъ и песокъ --
Не веселая дорога....
Эй, садись ко мнѣ, дружокъ!

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь....
Не стыдися! Что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку—
Такъ учиться ты идешь?
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ.

Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ *)
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.

Н. Некрасовъ.

167. Дядюшка Яковъ.

Домъ — не телѣжка у дядюшки Якова.
Господи Боже! чего то въ ней нѣтъ!
Сѣденькій самъ, а лошадка каракова:
Вмѣстѣ обоемъ сто лѣтъ.
Ѣздитъ старикъ, продастъ понемногу,
Рады ему, да и онъ-то того:
Выпито вѣчно и сытъ, слава Богу.
Пусто въ деревнѣ — ему ничего,
Знаетъ, гдѣ люди: и куплю, и мѣну
На полосахъ поведетъ старина:

*) Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, сынъ архангельскаго рыбака, знаменитый русскій ученый и писатель.

Дай ему свеклы, картофельку, хрѣну,
Онъ тебѣ все, что полюбитея — нѣ! —
Богъ, видно, далъ ему добрую душу.
Ѣздитъ, кричитъ, то и знай:
„По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!

У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грошъ два кома!
Дѣвкамъ утѣхи —
Рожки, орѣхи!
Эй, малолѣтки!
Пряники рѣдки,
Всякія штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки.
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!...“

— „Стой, старина!“ Старика обступили,
Парней, и дѣвокъ, и дѣтушекъ тѣма.
Всѣ намѣняли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смѣхъ на какого-то Кузю печальнаго:
Держитъ коня передъ носомъ сусальнаго;
Конь — заглядѣнье, и лакомъ кусокъ....
Гдѣ тебѣ вытерпѣть? Ъшь, паренѣкъ!
Жалко дѣвочку, сиротку Оеклушу:
Всѣ-то жуютъ, а ты слюнки глотай....

„По грушу! по грушу!
Купи, смѣнай!

У дядюшки у Якова
Про бабъ товара всякаго,
Сигцу хорошаго
Нарядно, дешёво!
Эй, молодежи, —
Красны дѣвицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесёмки!
Духи, помада,
Все—чего надо!“....

Зубы у дѣвокъ, у бабъ разгорѣлись.
Лѣнь, и полотна, и пряжу несутъ.
„Стойте! не вдругъ! бѣлены вы обѣлись?
Тише! поспѣете!“.... Такъ вотъ и рвутъ!
Зорокъ торгашъ, а то просто бѣда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчатъ, ласкаютъ, только держись:
„Цвѣтъ ты нашъ маковъ,
Дядюшка Яковъ,
Не дорожись!“

— „Меньше нельзя, не гублю мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь—прощай!
По грушу! по грушу!
Купи, смѣнай!

У дядюшки у Якова
Хватить про всякаго.

Новы коврижки —
Гляди-ка: книжки!
Мальчикъ-сударикъ,
Купи букварикъ!
Отцы почтенны!
Книжки нецѣнны:
По гривнѣ штука —
Дѣтямъ наука!
Для ребятшекъ,
Тимонекъ, Гришекъ,
Гаврюшекъ, Ванекъ....
Букварь не пряникъ,
А почитай-ка,
Языкъ прикусишь....
Букварь не сайка,
А какъ раскусишь,—
Слаще орѣха!
Пятокъ — полтина,
Глянъ — и картина!
Ей-ей утѣха!
Умень съ нимъ будешь,
Денегъ добудешь....
 По буквари!
 По буквари!
 Хватай — бери!
 Читай — смотри!“ —

И букварей-таки много купили.
„Будеть вамъ пряниковъ; нате-ка вамъ!“
Пряники, правда, послаще бы были.
Да разсудилось ужь такъ старикамъ.
Книжки съ картинками, писаны чѣтко —
То-то дойти бы, что писано тутъ!

Молча крѣпилась Оеклуша сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ,
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки.
Такъ на глазахъ навернулись слезинки.
Сжалился, дать ей букварь старина:
„Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна.“
Экой старикъ! видно добрую душу!
Будь же ты счастливъ! Торгуй, наживай!
„По грушу! По грушу!
Купи, смѣнай!...“

Н. Некрасовъ.

168. В ъ ш к о л ѣ.

Въ сонномъ воздухѣ сверкаетъ
Первый чистенькій снѣжокъ
И румянить людямъ щеки
Легкій зимній холодокъ.

Солнце на небо восходитъ....
Встаньте, дѣти! Полно спать!
Школа близко, — по морозцу
Можно славно пробѣжать.

Вотъ и школа: эти доски,
И скамейки, и столы, —
Все вамъ близко, все знакомо,
Даже самые углы.

Встрѣтитъ въ комнатѣ уютной
Вся толпа друзей-ребятъ,

Въ ней теперь и смѣхъ, и говоръ
Несмолкаемо гремятъ.

Михайловъ.

169. Утро школьника.

Встань по утру, не лѣнись!
Мыломъ вымойся, утрись:
Кто растрепанъ, неумытъ,
Тотъ собой людей смѣнитъ.
Долго спать тебѣ не впрокъ:
Лишь забудешь про урокъ;
Ты за книжку—повторить,
А ужъ начали звонить.
Знай заранѣе, что взять,
Времени чтобъ не терять,
Въ классъ когда итти велятъ,
Тутъ ужъ некогда искать.
То забылъ налить чернилъ,
То пера не очинилъ;
Книжку бросилъ безъ пути.
А потомъ и не найти.
Но въ порядкѣ что лежитъ,
Подъ руку само бѣжитъ.
Въ классѣ быть, такъ не зѣвать,
А стараться понимать!
Кто зѣваетъ—негодяй,
Ты ему не подражай.
Слышишь новое—смекни,
Да въ тетрадкѣ отчеркни.

Полѣнился, пропустилъ,
Смотришь — завтра позабылъ,
А написано — прочтешь,
Лучше въ толкъ себѣ возьмешь.

Князь Одоевскій.

170. Грамотность.

(Манифестъ 19 февраля 1861 года).

Посмотри: въ избѣ, мерцаѣ,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водѣ,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитѣ.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хотъ краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже, съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ дѣдъ.

—
Что-жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ! Одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

—
И пришлось ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

—
Самой вѣсти смыслъ покажетъ
Темень имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней....

—
Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

—
Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучь!
Въ щимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучь!

Онъ горить ужъ на головкѣ,
Онъ горить въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братья,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день!

А. Майковъ.

171. У р о к ъ.

На лужайкѣ дѣтскій крикъ:
Учить грамотѣ ребятъ
Весь сѣдой, ворчунъ-старикъ,
Отставной солдатъ.
— „Я согнулся, я ужъ слабъ,
А виды видалъ!
Унтеръ не былъ-бы, когда-бы
Грамотѣ не зналъ!
Дружно, дѣти! Все за-разъ:
Буки—азъ! Буки—азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

У меня въ саду цвѣтокъ,
Насадилъ я каждый самъ,
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ
Грамотному дамъ.
Битый, правду говоритъ
Молвъ людей простыхъ,

Стоить двухъ, кто не былъ битъ:
Грамотей -- троихъ.
Дружно, дѣти! Всѣ за-разъ:
Буки — азъ! Буки — азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Митя! Видишь карандашъ?
За моей слѣди рукой:
Это *иже*, а не *нашъ*;
Экой срамъ какой!
Да прислушайте: съ полкомъ
Въ Греціи я былъ,
Въ двадцать, значить.... а въ какомъ,
Значить, позабылъ.
Дружно, дѣти! Всѣ за-разъ:
Буки — азъ! Буки — азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Отстояли мы друзей!
Разъ иду себѣ одинъ,
Вижу — школа для дѣтей
У воротъ Аѳинъ.
Въ школѣ учителя морякъ,
Дѣтямъ не подстать;
Я взглянулъ и, какъ дуракъ,
Началъ хохотать.
Дружно, дѣти! Всѣ за-разъ:
Буки — азъ! Буки — азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Но учитель мнѣ сказалъ:
„Ты глухой ребенка самъ;

Ты героя осмѣяль
Страшнаго врагамъ.
Онъ за Грековъ мстиль,—предъ нимъ
Трепеталь султанъ,
И упаль, сожженъ живымъ,
Вражій капитанъ.
Дружно, дѣти! Всѣ за-разъ:
Буки—азъ! Буки—азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Гордость края моего —
Онъ Канари *)—да!
Въ мѣрѣ встрѣтили его
Горе и нужда.
Онъ, умѣя побѣждать,
Сѣлъ букварь учить.
Все за тѣмъ, чтобы опять
Греціи служить!
Дружно, дѣти! Всѣ за-разъ:
Буки—азъ! Буки—азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Весь зардѣвшись, въ сторонѣ
Я въ смущеніи стоялъ;
Но герой сжалъ руку мнѣ,
Слово мнѣ сказалъ....

*) Канари, знаменитый греческій полководецъ, послѣ одержанныхъ побѣдъ надъ Турками въ борьбѣ за свободу Греціи, не счелъ за стыдъ поступить въ школу и вмѣстѣ съ дѣтьми учиться грамотѣ.

Мнѣ слышался завѣтъ
Бога самого:
„Знанье—вольность, знанье—свѣтъ,
Рабство—безъ него!“
Дружно, дѣти! Всѣ за-разъ:
Буки—азъ! Буки—азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Изъ Беранже.

Перев. съ французскаго В. Курочкинъ.

172. Русскимъ юношамъ.

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество изъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!...
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Рѣченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ ¹⁾
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ ²⁾
Россійская земля рождать....

Науки юношей питають,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;

¹⁾ Платонъ—греческій мудрецъ, жившій въ древности.

²⁾ Невтонъ, или Ньютонъ—знаменитый англійскій ученый.

Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ;
Среди народа и въ пустынь,
Въ градекомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

М. Ломоносовъ.

173. Прощальная пѣсня учениковъ
съ училищемъ.

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

Тебѣ, нашъ Царь, благодаренье!
Ты Самъ насъ юныхъ съединилъ
И въ семъ святомъ уединеньѣ
На службу наукамъ посвятилъ.
Прими-жъ теперь не тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердцѣ чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благости Твоей!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

О, Матерь! Вяли мы призванью,
Кишитъ въ груди молодая кровь;
Длань крѣпко соединилась съ дланью:
Связала ихъ къ Тебѣ любовь!
Мы дали клятву: все — родимой,
Все безъ раздѣла — кровь и трудъ!
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо въ правды судъ!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятяхъ сладкой тишины
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

Благословите положившихъ
Святой отечеству обѣтъ
И съ дѣтской нѣжностью любившихъ
Васъ, други первыхъ нашихъ лѣтъ!
Мы не забудемъ наставленій,
Плодъ вашихъ опытовъ и думъ,
И мысль объ нихъ, какъ пѣкій геній,
Неопытныхъ поддержитъ умъ.

Простимся, братья! Руку — въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ!

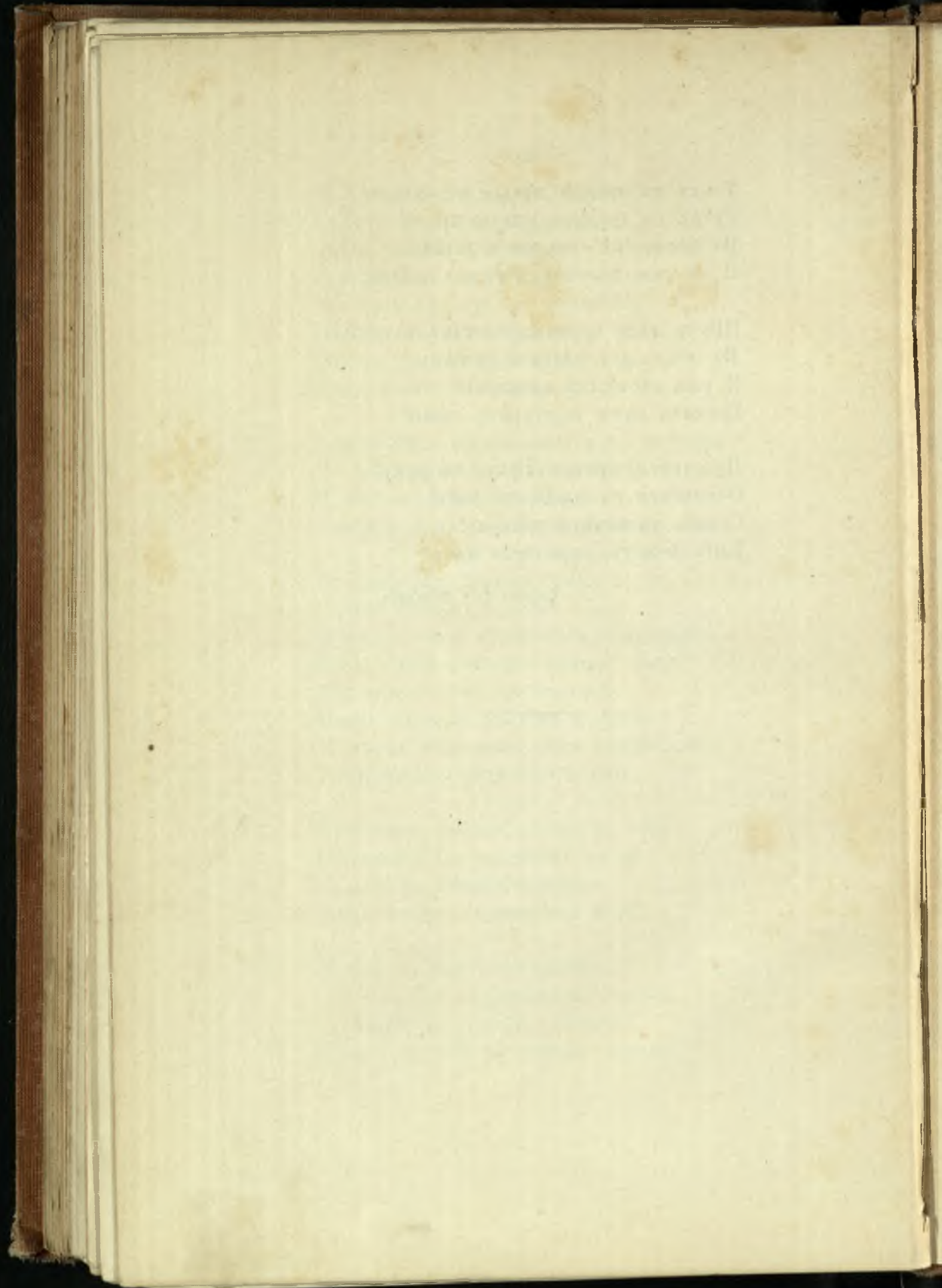
Другъ на другъ остановите
Вы взоръ съ прощальною слезой!
Храните, о, друзья, храните
Ту-жъ дружбу съ тою-же душой!

То-жь къ правдѣ пылокое стремленье,
Ту-жь по трудамъ живую кровь!
Въ несчастьѣ — гордое терпѣнье
И въ счастьѣ — всѣмъ равно любовь!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятяхъ сладкой тишины
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

Простимся, братья! Руку — въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ.

Баронъ Ант. Дельвигъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

	№ статей
Аксаковъ Иванъ Сергѣевичъ.	
Всенощная въ селѣ.	11.
Освобожденіе крестьянъ.	38.
Сѣнокосъ	99.
Шоссе	164.
Альбинскій.	
Лѣто	129.
Батюшковъ Константинъ Николаевичъ.	
Плѣнный	58.
Бенедиктовъ Владимиръ Григорьевичъ.	
Кіевъ	51.
Буренинъ Викторъ Петровичъ.	
Двадцать пятое Декабря.	9.
Бутовскій Леонидъ.	
На кончину Митрополита Мо- сковскаго Филарета	22.
Терпѣніе	61.
Веневитиновъ Дмитрій Владимировичъ.	
Новгородъ	49.
Вяземскій (Князь.) Петръ Андреевичъ.	
Зима	102.
Гербель Николай Васильевичъ.	
Пѣсня земледѣльца. <i>Изъ Дух-</i> <i>овича Перев. съ польскаго</i>	98.
Глинка Феодоръ Николаевичъ	
Величіе Божіе.	2.
Благость Божія (Псаломъ 153).	4.
Москва	47.

Гнѣдичъ Николай Ивановичъ.	
Ласточка	146.
Горчакова (Княгиня.)	
Воскресеніе Христова	6.
Гротъ.	
Трудъ	63.
Дельвицъ (Баронъ.) Антонъ Антоновичъ.	
Прощальная пѣсня учениковъ съ училищемъ	173.
Державинъ Гавріиль Романовичъ.	
Богъ	1.
Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ.	
Чужбина. Басня	59.
Муха. Басня	85.
Долгорукій (Князь.) Иванъ Михайловичъ.	
Свѣтлое Воскресеніе	8.
Жуковскій Василій Андреевичъ.	
Пѣсня русскаго народа	24.
Молитва за Царя	26.
Слава	27.
Многи лѣта	28.
Вородинская годовщина	35.
Пѣсь на присягу Государя На- слѣдника Александра Нико- лаевича.	36.
Родина	39.
Родина	40.
Овсяный кисель	101.
Загоскинъ Михаилъ Николаевичъ.	
Весеннее утро.	126.
Измайловъ Александръ Ефимовичъ.	
Воробьи и овсянка. Басня	86.
Кукушка. Басня	87.
Карамзинъ Николай Михайловичъ.	
Милость	66.

Счастливец	70.
Молитва о дождѣ	95.
Весна	124.
Клюшниковъ Иванъ Петровичъ.	
Назначеніе жизни	60.
Птичка и дѣти.	151.
Козловъ Иванъ Ивановичъ.	
Молитва	13.
Кіевъ	50.
Сельская жизнь	90.
Лѣтнее утро	130.
Кольцовъ Алексѣй Васильевичъ.	
Лѣнь	76.
Пашня	92.
Урожай	93.
Зима	103.
Кругловъ А.	
Молитва матери	74.
Крыловъ Иванъ Андреевичъ.	
Лягушка и воль. Васня	81.
Собачья дружба. Васня	82.
Стрекоза и муравей. Васня	83.
Свинья подъ дубомъ. Васня	84.
Крестьянинъ и лисица. Васня.	88.
Заяцъ на ловлѣ. Васня	89.
Курочкинъ Василій Степановичъ.	
Птицы	147.
Урокъ. <i>Изъ Беранже. Переводъ</i> <i>съ француз.</i>	171.
Лермонтовъ Михайль Юрьевичъ.	
Молитва	14.
Вѣтка Палестины	20.
Ангель	21.
Два великана	33.
Бородино	34.

	Любовь къ отчизнѣ	42.
	Споръ	57.
Ломоносовъ Михайлъ Васильевичъ.		
	Псаломъ XIV	18.
	Къ памятнику Петра Великаго .	29.
	Русскимъ юношамъ	172.
Лушинъ А.		
	Молитва	16.
Майковъ Аполлонъ Николаевичъ.		
	Кто Онъ?	30.
	Лѣтній дождь	96.
	Обнокошь	100.
	Зимнее утро	113.
	Лѣтній вечеръ	136.
	Осень	138.
	Грамотность	170.
Медвѣдевъ Левъ.		
	Колось	69.
	Святелю	71.
	Весенняя пѣсня	125.
	Лѣтній сонъ	133.
Мережковскій Д.		
	Рождество Христово	10.
Мерзляковъ Алексѣй Θεодоровичъ.		
	Тоска въ одиночествѣ	159.
Миллеръ Θεодоръ Богдановичъ.		
	Пѣсня о работѣ	65.
Михайловъ.		
	Въ школѣ	168.
Молчановъ.		
	Полтавскій бой	31.
Некрасовъ Николай Алексѣевичъ.		
	Волга	54.
	Поэтъ	72.

Мать	73.
Власть	75.
Осень	137.
Осенняя ночь	142.
Пчелы	153.
Гришуха	154.
Мальчикъ-мужичокъ.	155.
Школьникъ	166.
Дядюшка-Яковъ	167.
Никитинъ Иванъ Саввичъ.	
Молитва	15.
Русь.	45.
Зима.	106.
Зимняя ночь въ деревнѣ.	110.
Лѣтній вечеръ	132.
Утро на берегу озера	135.
Осень	140.
Одоевскій (Князь.) Александръ Ивановичъ.	
Утро школьника	169.
Огаревъ Николай Платоновичъ.	
Деревенскій сторожъ	111.
Изба.	112.
Весна	122.
Пановъ П.	
Родной край	43.
Осень	141.
Плещеевъ Алексѣй Николаевичъ.	
Сиротка	68.
Весна	127.
Прилетъ птички	143.
Мальчикъ и птичка.	150.
Бабушка и внучекъ.	165.
Полонскій Яковъ Петровичъ.	
Молитва	12.
Птичка	144.
Солнце и мѣсяць	157.

Пушкинъ Александръ Сергѣевичъ.

Полтавскій бой	32.
Санктъ-Петербургъ	48.
Появленіе зимы	105.
Зима.	105.
Бѣсы	114.
Вьюга	115.
Зимняя дорога.	116.
Весна	121.
Перелетная птичка	145.
Птичка	149.

Розенгеймъ Михайль Павловичъ.

Гимнъ Св. Кириллу и Меодію.	23.
Родина	44.
Днѣпръ	55.
Пѣснь труда	62.
Гроза	94.

Розенъ (Баронъ.)

Славься, нашъ Царь	25.
------------------------------	-----

Селезнева А.

Слово Божіе	19.
-----------------------	-----

Соковнина Л.

Изъ книги: Дѣти, школа и учителя.

Пѣснь о волѣ	38.
------------------------	-----

Стружкинъ Николай.

Деревня	91.
Покровители народа	97.
Зимняя ночь	109.
Дѣдушка-Морозъ	117.
Первая травка.	128.
Лѣтній полдень	131.
Старость и юность	156.

Суриковъ Иванъ Захаровичъ.

Зима.	104.
---------------	------

	Въ ночномъ	134.
	Степь	163.
Толстой Алексѣй Константиновичъ. (графъ.)		
	Родина	41.
	Слесь	77.
Туманскій Василій Ивановичъ.		
	Птичка	148.
Феть (Шеншинъ) Афанасій Афанасьевичъ.		
	Зима.	107.
	Весна	123.
Фругъ С. Г.		
	Вѣстники весны	119.
Хемницеръ Иванъ Ивановичъ.		
	Дерево. Васня.	78.
	Конь верховой. Васня	79.
	Лошадь и осель. Васня	80.
Херасковъ Михаилъ Матвѣевичъ.		
	Гимнъ Богу	3.
Хомяковъ Алексѣй Степановичъ.		
	Россія	46.
	Кіевъ	52.
	Славянамъ	53.
Цыгановъ Николай Степановичъ.		
	Рѣчка	160.
Чистякова М.		
	<i>Переводъ съ франц. Изъ Тастю.</i>	
	Дитя и гнѣздо съ малиновками.	152.
Шатровъ П.		
	Всемогущество Божіе. Изъ	
	псалма 32-аго	5.
Шинковъ.		
	Пѣня трудолюбиваго старика.	64.
Языковъ Николай Михайловичъ.		
	Псаломъ XIV	17.
	Пловецъ	161.
	Буря	162.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Отдѣлъ первый.

	СТР.
1. Богъ. Г. Державинъ	1.
2. Величіе Божіе. Ѳ. Н. Глинка	2.
3. Гимнъ Богу. Херасковъ	3.
4. Благодѣнье Божіа. Псаломъ 153. Ѳ. Н. Глинка	—
5. Всемогущество Божіе. Изъ псалма 32-аго. Н. Шатровъ	4.
6. Воскресеніе Христова. Княгиня Гор- чакова	5.
7. Свѣтлое Воскресеніе. Князь Ив. Долгорукій	—
8. Христосъ Воскресе. Ап. Майковъ	6.
9. Двадцать пятое Декабря. В. Буренинъ	—
10. Рождество Христова. Д. Мережковскій	8.
11. Всенощная въ селѣ. Ив. Аксаковъ	12.
12. Молитва. Я. Полонскій.	14.
13. Молитва. И. Козловъ	15.
14. Молитва. М. Лермонтовъ	16.
15. Молитва. И. Никитинъ.	—
16. Молитва. А. Лунинъ	17.
17. Псаломъ XIV. Н. Языковъ	—
18. Псаломъ XIV. М. Ломоносовъ	18.
19. Слово Божіе. А. Селезнева	19.
20. Вѣтка Палестины. М. Лермонтовъ	20.
21. Ангель. М. Лермонтовъ.	21.
22. На кончину Митрополита Московскаго Филарета. Л. Бутовскій	22.
23. Гимнъ Св. Кириллу и Меодію. М. Розенгеймъ	23.

II.

Отдѣлъ второй.

	СТР.
24. Пѣсня русскаго народа. В. Жуковскій	24.
25. Слався, нашъ Царь. Баронъ Розень	—
26. Молитва за Царя. В. Жуковскій	—
27. Слава. В. Жуковскій	26.
28. Многи лѣта. В. Жуковскій	27.
29. Къ памятнику Петра Великаго. М. Ло- моносовъ	28.
30. Кто Онъ? А. Майковъ	29.
31. Полтавскій бой. Молчановъ	31.
32. Полтавскій бой. А. Пушкинъ	33.
33. Два великана. М. Лермонтовъ	36.
34. Бородино. М. Лермонтовъ	37.
35. Бородинская годовщина. В. Жуковскій	41.
36. Пѣснь на присягу Государя Наслѣдника Александра Николаевича. В. Жуковскій	44.
37. Освобожденіе крестьянъ. И. Аксаковъ	45.
38. Пѣснь о волѣ. Изъ книги Л. Соковни- ной: Дѣти, школа и учитель	46.

Отдѣлъ третій.

39. Родина. В. Жуковскій	49.
40. Родина. В. Жуковскій	—
41. Родина. Графъ А. К. Толстой	50.
42. Любовь къ отчизнѣ. М. Лермонтовъ	51.
43. Родной край. И. Пановъ	—
44. Родина. М. Розенгеймъ	53.
45. Русь. И. Никитинъ	54.
46. Россія. А. Хомяковъ	58.
47. Москва. Ѳ. Глинка	59.
48. Санктъ-Петербургъ. А. Пушкинъ	61.
49. Новгородъ. Дм. Веневитиновъ	64.
50. Кіевъ. И. Козловъ	66.
51. Кіевъ. В. Венедиктовъ	67.

III.

	СТР.
52. Кіевъ. А. Хомяковъ	69.
53. Славянамъ. А. Хомяковъ	72.
54. Волга. Н. Некрасовъ	73.
55. Днѣпръ. М. Розенгеймъ	74.
56. Русскія пѣсни	75.
57. Споръ. М. Лермонтовъ	76.
58. Пльнный. Ватюшковъ	78.
59. Чужбина. Басня. И. Дмитриевъ	81.

Отдѣлъ четвертый.

60. Назначеніе жизни. Ключниковъ	—
61. Терпѣніе. Л. Бутовскій	82.
62. Пѣснь труда. М. Розенгеймъ	—
63. Трудъ. Гротъ	84.
64. Пѣсня трудолюбиваго старика. Шишковъ	—
65. Пѣсня о работѣ. Ѳ. Миллеръ	85.
66. Милость. Н. Карамзинъ	86.
67. Состраданіе къ бѣднымъ. Ѳ. Тютчевъ	87.
68. Сиротка. А. Плещеевъ	88.
69. Колось. Левъ Медвѣдевъ	—
70. Счастливецъ. Н. Карамзинъ	90.
71. Святелю. Левъ Медвѣдевъ	91.
72. Поэтъ. Н. Некрасовъ	92.
73. Мать. Н. Некрасовъ	—
74. Молитва матери. А. Кругловъ	93.
75. Власъ. Н. Некрасовъ	94.
76. Лѣнь. А. Кольцовъ	97.
77. Спесь. Графъ А. К. Толстой	98.
78. Дерево. Басня. И. Хемницеръ	99.
79. Конь верховый. Басня. И. Хемницеръ	100.
80. Лошадь и осель. Басня. И. Хемницеръ	101.
81. Лягушка и воль. Басня. И. Крыловъ	102.
82. Собачья дружба. Басня. И. Крыловъ	—
83. Стрекоза и муравей. Басня. И. Крыловъ	104.
84. Свинья подъ дубомъ. Басня. И. Крыловъ	105.
85. Муха. Басня. И. Дмитриевъ	106.

IV.

	стр.
86. Воробьи и овсянка. Басня. А. Измайловъ	107.
87. Кукушка. Басня. А. Измайловъ	—
88. Крестьянинъ и лисица. Басня. И. Кры- ловъ	108.
89. Заяцъ на ловлѣ. Басня. И. Крыловъ	110.

Отдѣлъ пятый.

90. Сельская жизнь. И. Козловъ	111.
91. Деревня. Н. Стружкинъ	113.
92. Пашня. А. Кольцовъ	114.
93. Урожай. А. Кольцовъ	115.
94. Гроза. М. Розенгеймъ	119.
95. Молитва о дождѣ. Н. Карамзинъ	122.
96. Лѣтній дождь. А. Майковъ	123.
97. Покровители народа. Н. Стружкинъ	124.
98. Пѣсня земледѣльца. Изъ Духневича. Перев. Н. Гербель	126.
99. Сѣнокось. И. Аксаковъ	127.
100. Сѣнокось. А. Майковъ	129.
101. Овсяный кисель. В. Жуковскій	130.
102. Зима. Князь Вяземскій	135.
103. Зима. А. Кольцовъ	136.
104. Зима. И. Суриковъ	—
105. Появленіе зимы. А. Пушкинъ	137.
106. Зима. И. Никитинъ	138.
107. Зима. А. Фетъ	139.
108. Зима. А. Пушкинъ	—
109. Зимняя ночь. Н. Стружкинъ	140.
110. Зимняя ночь въ деревнѣ. И. Никитинъ	—
111. Деревенскій сторожъ. Н. Огаревъ	143.
112. Изба. Н. Огаревъ	144.
113. Зимнее утро. А. Майковъ	145.
114. Вѣсы. А. Пушкинъ	146.
115. Вьюга. А. Пушкинъ	147.
116. Зимняя дорога. А. Пушкинъ	—
117. Дѣдушка-Морозъ. Н. Стружкинъ	148.

V.

	стр.
118. Весеннія воды. Ө. Тютчевъ	155.
119. Вѣстники весны. С. Фругъ	156.
120. Весна. Ө. Тютчевъ	—
121. Весна. А. Пушкинъ	157.
122. Весна. Н. Огаревъ	158.
123. Весна. А. Фетъ	159.
124. Весна. Н. Карамзинъ	—
125. Весенняя пѣсня. Левъ Медвѣдевъ	160.
126. Весеннее утро. Загоскинъ	—
127. Весна. А. Плещеевъ	161.
128. Первая травка. Н. Стружкинъ	162.
129. Лѣто. Альбинскій	163.
130. Лѣтнее утро. И. Козловъ	164.
131. Лѣтній полдень. Н. Стружкинъ	—
132. Лѣтній вечеръ. И. Никитинъ	165.
133. Лѣтній сонъ. Левъ Медвѣдевъ	167.
134. Въ ночномъ. И. Суриковъ	169.
135. Утро на берегу озера. И. Никитинъ	170.
136. Лѣтній вечеръ. А. Майковъ	172.
137. Осень. Н. Некрасовъ	—
138. Осень. А. Майковъ	173.
139. Осенніе листья. Ө. Тютчевъ	—
140. Осень. И. Никитинъ	175.
141. Осень. И. Пановъ	—
142. Осенняя ночь. Н. Некрасовъ	176.
143. Прилетъ птички. А. Плещеевъ	—
144. Птичка. Я. Полонскій	177.
145. Перелетная птичка. А. Пушкинъ	178.
146. Ласточка. Гнѣдичъ	—
147. Птицы. В. Курочкинъ	179.
148. Птичка. Туманскій	180.
149. Птичка. А. Пушкинъ	181.
150. Мальчикъ и птичка. А. Плещеевъ	—
151. Птичка и дѣти. Клюшниковъ	183.
152. Дѣти и гнѣздо съ малиновками. Перев. М. Чистякова. Изъ Тастю	184.
153. Пчелы. Н. Некрасовъ	185.

VI.

	СТР.
154. Гришуха. Н. Некрасовъ	187.
155. Мальчикъ-мужичокъ. Н. Некрасовъ	188.
156. Старость и юность. Н. Стружкинъ	190.
157. Солнце и мѣсяцъ. Я. Полонскій	191.
158. Маргаритка	193.
159. Тоска въ одиночествѣ. А. Мерзляковъ	198.
160. Рѣчка. Цыгановъ	200.
161. Пловецъ. Н. Языковъ	—
162. Буря. Н. Языковъ	201.
163. Степь. И. Суриковъ	202.
164. Шоссе. И. Аксаковъ	203.

Отдѣлъ шестой.

165. Бабушка и внучекъ. А. Плещеевъ	204.
166. Школьникъ. Н. Некрасовъ	208.
167. Дядюшка-Яковъ. Н. Некрасовъ	209.
168. Въ школѣ. Михайловъ	213.
169. Утро школьника. Князь Одоевскій	214.
170. Грамотность. А. Майковъ	215.
171. Урокъ. Изъ Беранже. Перев. В. Курочкинъ	217.
172. Русскимъ юношамъ. М. Ломоносовъ	220.
173. Прощальная пѣсня учениковъ съ учили- щемъ. Варонъ Ант. Дельвигъ	221.

Алфавитный списокъ писателей	225.
Оглавленіе.	

